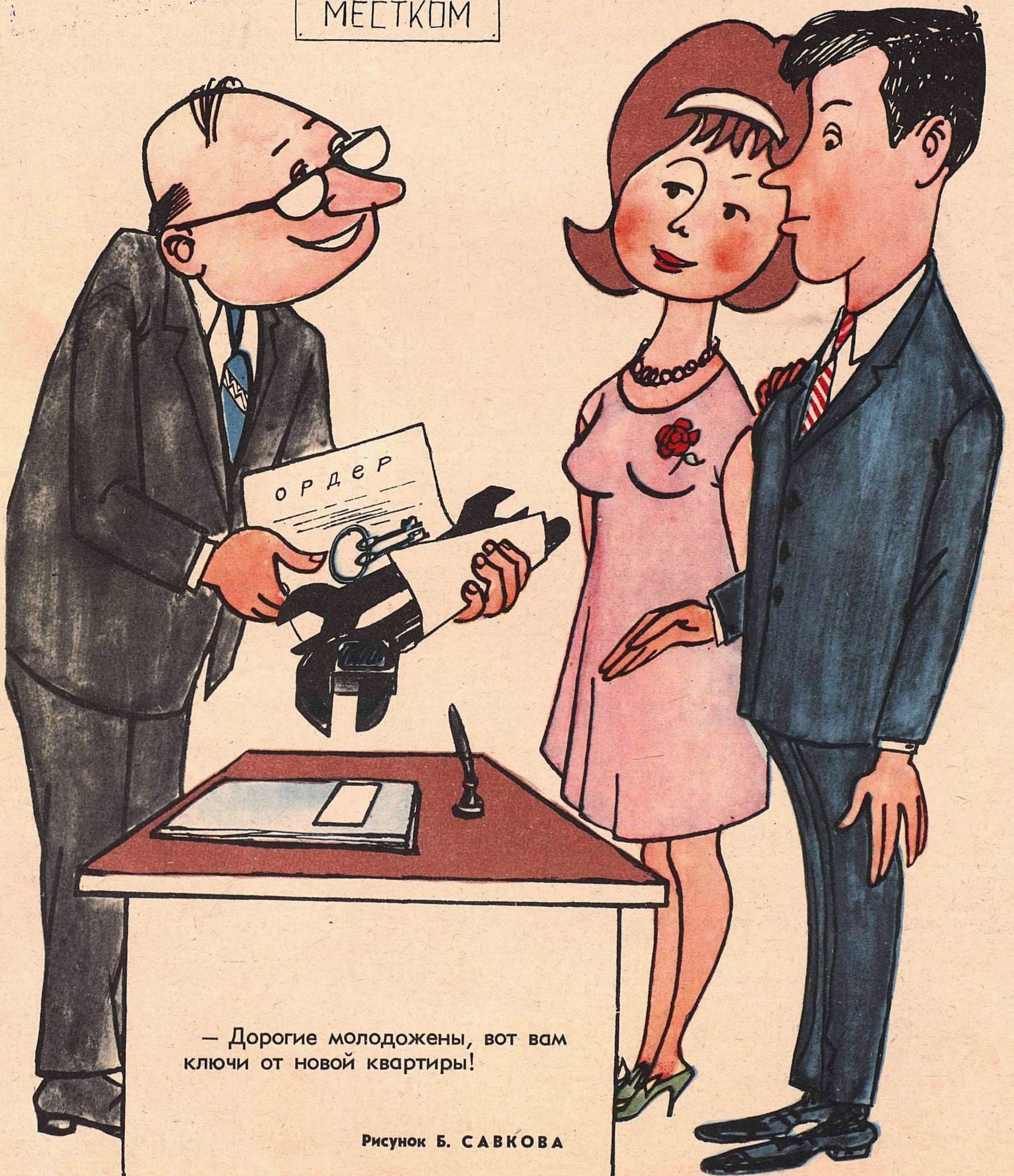

МЕСТКОМ

— Дорогие молодожены, вот вам
ключи от новой квартиры!

Рисунок Б. САВКОВА

УРОК

Атлантические небеса слезятся тоскливым дождем. Волны западных радиостанций кудрявятся барашками яростной пены. Со скрежетом зубовым крутятся шестерни печатных машин, и кажется, сами газетные листы отсырели — набрякли унылой злобой, желчной безысходностью, похоронным отчаянием.

— Конец! — горько всхлипывают богатейшие мира сего, и даже ровный мелодичный звон струящихся в сейфы сверхприбылей оставляет их в безутешности.

— Фиаско! — причитают сердобольные экс-гестаповцы, окуная заштопаные носы в старое, недоброе мюнхенское пиво.

— Все погибло! — скорбят у микрофонов чуткие комментаторы, смахивая хорошо оплаченную слезу.

По какому поводу траурные речитативы? Кого хоронят?

Это вершат тризну по несбывшимся мечтаниям. Это служат панихиду по развеянным надеждам. Это справляют поминки по провалившимся расчетам.

Ах, каким желанно близким, каким маняще аппетитным казался еще так недавно призрак «либерального», «гуманного», «демократического социализма», замаячивший было на берегах Влтавы! Как нежно, заботливо, рачительно пестовали и выхаживали бледно-ядовитые ростки этого «социализма» закордонные рыцари плаща и кинжала! Тут вам, извольте, и намеки на жирненькие займы «в случае удачи», и подпольные радиостанции «на случай необходимости», и массовые партии оружия, тайно переправлявшиеся через чехословацкую границу «просто на всякий случай»...

И уже в самом деле прорезывались, уже пробивались и зацветали ядовитые ростки контрреволюции. Уже в смрадных политических притонах «беспартийных клубов» вызревали прожекты «оттеснения» и «ликвидации» Коммунистической партии Чехословакии. Уже иные шкодливые газетчики набрасывали планы выхода страны из Варшавского Договора, а иные проворные экономисты подстрекали к «переориентации» народного хозяйства «в сторону Запада»... И, разумеется, приводилось в боевую готовность практическое хозяйство контрреволюции: уточнялись планы и графики переворота, составлялись черные списки «подлежащих обезвреживанию», устанавливались по подвалам тайные радиостанции, чистилось и смазывалось оружие. Тем же временем у западных границ Чехословакии спешно сколачивались мобильные группы диверсантов, а главари этих групп по командировкам ЦРУ уже размещались в пражских отелях...

Но помощь подоспела вовремя. Контрреволюционная «случайность» не прошла. Историческая закономерность взяла свое.

И вот атлантические небеса слезятся тоскливым дождем. И волны западных радиостанций кудрявятся барашками яростной пены... Позвольте, господа, но по какому же все-таки поводу заупокойные стенания? Прервите на минуту ваши стоны и рыдания, вопли и причитания и объясните в конце концов, почему деловые меры по пресечению контрреволюционного переворота ввергают вас в неистовую тоску безумных сожалений? О чем, собственно, сожалеете?

И господа, переведя дух, поясняют:

— Сожалею о погибшем социализме. Конечно, о гуманном. Ясное дело, о либеральном. Само собой, о демократическом...

Как ни смехотворно зрелище капиталиста, оплакивающего социализм, оно наводит на размышления. Закрадывается вопрос: в чем же именно великое горе атлантических страдальцев, что они действительно потеряли?

Может быть, они в самом деле убиваются по поводу демократизма, либерализма, гуманности? Да, святые понятия, ничего не скажешь... Но ведь в том же «свободном мире» от этой святости не осталось камня на камне. Там эти высокие категории давно уже вывернуты наизнанку, заплеваны и затоптаны в грязь. Не успеешь вдоволь налюбоваться на демократа, подписывающего закон о запрещении компартии, глядь — а вон уже другой демократ организует избирательную кампанию, действуя при этом где подкупом, где шантажом, а где и просто наглым обманом. Едва обратишь внимание на либерала, отправляющего очередную группу политических заключенных в концлагерь на безжизненный каменный остров, как в глаза лезет другой либерал — истязавший и линчующий негра за то, что у него черная кожа. Только заприметишь гуманистов, зверски искалечивших тысячи человеческих жизней коварными, но прибыльными таблетками талидомида, и уже натыкаешься на других гуманистов — бестрепетно поливающих напалмом вьетнамскую деревню...

Нет, не «погибший социализм», пускай и с любыми сентиментальными ярлыками, заставляет западных пропагандистов рвать на себе нейлоновые сорочки и закатывать истерики на весь радиоэфир.

Они потеряли не «либеральный социализм». Они потеряли долгожданный шанс пустить ленту истории в обратную сторону — дать социализму «задний ход». И они потеряли надежду на повторение такого шанса.

Пусть атлантические небеса слезятся тоскливым дождем. Пусть волны западных радиостанций кудрявятся барашками яростной пены. Пусть вопят и стеноют наемные барды капитализма.

Может быть, урок пойдет им впрок.

Михаил ВЛАДИМОВ

ТАНК НА ПЛОЩАДИ

Зачислен в памятники он
Был в сорок пятом...
В центре Праги
Вросли незыблемо в бетон
Его израненные траки.
Был зной. Был снег.
Была ясна
И хмура местная погода...
А для него — всегда весна:
Цветы — в любое время года!

Но вдруг исчезла тишина...
И контры черное отродье,
Внезапно всплывшее со дна,
Пришло на площадь колобродить.

Из-за угла на приступ шли
Сперва листовки и плакаты.
А вслед за ними обрели
«Свободу слова» автоматы...

Еще у дальних рубежей
Мы не готовились к походу,
А этот танк пришел уже
На помощь братскому народу.

По праву вмешиваясь в спор,
В дела текущего момента,
Он осквернителям отпор
Давал с трибуны-постамента.

Он был исчеркан, как доска,
Исклеен гнусными листками...
И чья-то подлая рука
Ему в лицо бросала камень.

А танк все сдерживал себя
И молчаливо вел сражение,
Из окруженья выходя
И попадая в окружение.

Но было трудно одному...
Чтоб обеспечить тыл и фланги,
Явились вовремя к нему
Его собратья — наши танки.

Опять вернулась тишина.
И, поспешившая нашкодить,
Вся нечисть, всплывшая со дна,
На дно истории уходит.

И вот Рабочая Рука,
Сметая сор событий бурных,
Очистила его бочка
От упражнений бесцензурных.

Исполнив миссию свою,
Все танки вновь ушли за Прагу.
А он остался:
он в бою
За Революцию и Правду!

На боннской сцене — хор плакальщиц. В глубине — силуэт Праги. Справа и слева — грушевые деревья. Под звуки траурной музыки меняются декорации: с подмостков уносят дорожные указатели. На них надписи: «Нах Прессбург» (Братислава), «Нах Карлсбад» (Карловы Вары), «Нах Мариенбад» (Марианские Лазни), «Нах Эгер» (Хеб)...

Идет последний акт исторической драмы «Дуля на празднике груш».

Один за другим появляются солисты. Убитые лица. Мрачные взоры. Отчаянные жесты.

«Неописуемо трагическое событие!» — бьет себя в грудь Франц Йозеф Штраус, министр финансов.

«Катастрофа!» — вторит Ойген Герстенмайер, председатель боннского бундестага.

«В Праге нам преподан жестокий наглядный урок. Все мы стоим перед руинами», — заламывает руки Рес, главарь «Союза изгнанных», шеф реваншистов.

«Возможности новой восточной политики сузились», — роняет дипломатическую слезу Вилли Брандт, министр иностранных дел.

Хор плакальщиц из газетно-журнального дома Шпрингера дружно подхватывает:

«Правительство Кизингера — Брандта стоит перед осколками своей восточной политики».

«Решающие предпосылки боннской восточной политики рухнули, как карточный домик».

«Мы не можем позволить себе стукнуть кулаком по столу...»

А ведь еще недавно намеревались стучать. И уж вполне деловито, с отменным рвением строили карточный домик этой «новой политики» — тасовали колоду из бундесверовских королей и гелевских валетов, пробуя разыграть зловещую партию против социалистической Чехословакии.

Генералы загода подготовили «операцию залогов». Не забыли, само собой, и о материальном обеспечении. К границам ГДР и ЧССР наметили

А. ВИХРЕВ

От ворот — поворот.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ДУЛЯ ВМЕСТО ГРУШИ

двинуть бронированный кулак: специальные бронетанковые ударные силы. Операция эта — гибридный гитлеровский «блицкриг» и «превентивной» войны а-ля Тель-Авив. Appetit у генералов, как в котле под Сталинградом, зверский. Рассчитывали за двое суток хапнуть «залог» — чужие земли на Востоке. И глубину точно определили — до 120 километров. Для первого раза, мол, хватит. А там, глядишь, при случае можно и еще кусок отхватить от «лагеря красных».

Правда, в ящике с песком все выходило хорошо. Гладно. Но на практике возникла серьезная заковыка. Соваться с бронированным кулаком, известно, дело рискованное: можно схлопотать между глаз. А потому боннские азартные игроки решили попробовать сперва получить «залог» тихой сапой.

И полетели с берегов Рейна на берега Влтавы перелетные птички. 368 тысяч за полгода. Тучей валили западногерманские вояжеры через границу. «Очередь за визой в Чехословакию: три минуты — и виза готова!» — линовала одна из западногерманских газет.

Сколько было среди визитеров безобидных туристов, а сколько — тех самых валетов? Ведомо сие только «федеральной разведывательной службе», которая подчинена непосредственно ведомству самого канцлера, содержит пятитысячную ораву шпионов и получает ежегодно из казны сытную подкормку — более 100 миллионов марок.

Господа из этой малопочтенной организации с некоторых пор, как поведал «Дер шпигель», занялись регистрацией фамилий, номеров машин и ад-

ресов тех западных немцев, которые отправлялись «познакомиться» с Чехословакией.

— Зачем регистрировать туристов в нашем свободном государстве? — наивно поинтересовался депутат бундестага от свободной демократической партии Порш и послал по этому поводу даже запрос правительству.

— По соображениям государственной безопасности! — одернула Порша в министерстве внутренних дел Баварии. — Цыц!

А не столь наивный «Шпигель» рубанул напрямик для несведущих: «Регистрация на границе производится... в целях вербовки агентов».

Конечно, кое-кого регистрировать и вовсе не надо было. Люди они в полиции знакомые, уважаемые. И не только в полиции. Вот, скажем, десять эмиссаров крупнейших концернов ФРГ, наведавшихся в Прагу. Не их ли бурной деятельностью восторгалась американская «Крисчен сайенс мониторинг», писавшая: «Экономическая приманка (Бонна.—В. К.) маячит перед глазами чехословаков?»

А герр Блессинг, президент федерального банка, баннир самого фюрера, завсегдадай «кружна личных друзей Гиммлера»? Такой уж не подведет. Недаром ему была поручена самая деликатная миссия: посулить кредит в обмен на «более жесткую позицию в отношении русских».

«Франкфуртер альгемайне», этот придворный листок боннского кабинета, похвалилась: господа уже присмотрели пражский дворец «Палффи» в стиле барокко, каковой можно было бы легко «превратить в здание посольства».

От бундесверовских генералов, дипломатов, доверенных лиц концернов, правительственных эмиссаров и политических коммивояжеров не отставали и представители «мозгового треста» — всевозможные «идеологи», «теоретики», доморощенные «специалисты по Востоку» и прочая «поднованная» челядь. Вся эта публика наплодила великое множество сочинений на тему о «размягчении социализма», назойливо предлагая Чехословакии свои услуги в качестве советчиков и консультантов. Мыслители из верноподданной «Рейнише пост», не пожалев сил и времени, детально разработали проект «поэтапного демонтажа коммунизма в Чехословакии» и «реприватизации» ее социалистической экономики. И тот же «Шпигель», считая «демонтаж» делом решенным, расфилософовался уже в глобальном масштабе: дескать, с помощью боннских рецептов можно будет «изменить коммунизм и изменить Европу».

Так возводился картонный домик, пока не рухнул.

С «залогом» не выгорело. Нашептывания и науськивания не помогли. Экономические посулы не возымели действия.

Еще совсем не так давно, предвкушая поживу, реваншистский сброд собирался устроить в Ширдинге, что у самой чехословацкой границы, «бирненфест» — праздник сбора груш. Кое-кто уже грешил, что и сама Чехословакия, словно спелая груша, свалится к штиблетам авторов «новой восточной политики» и к бундесверовским сапогам. Но оказалось, что лакомые груши, как и известный басенный виноград, слишком высоко висят для боннских лис. Вместо желанной груши западногерманские гурманы получили несъедобную, но зато очень поучительную дулю.

Вот почему хор боннских плакальщиц звучит в эти дни с таким тягостным надрывом.

В. КУЗНЕЦОВ

Пока в редакции было туго с автомашинами, мы, корреспонденты, пользовались услугами городского транспорта, и у милиции никаких претензий к нам не было. Но вот дела в газете образовались, и корреспонденты стали ездить по срочным заданиям на разгонных машинах. Тут и начались споры, ссоры с сотрудниками ОРУДа.

Еду, скажем, я из Москвы в Серпухов разобраться в читательском письме. У столба с указателем «До совхоза 3 километра» стоит бабушка с посылком. Идет дождь. Я прошу шофера притормозить.

— Вам куда?
— До совхоза.
— Садитесь, подкину.
Не успели тронуть, как нас догоняет милицейский мотоцикл.
— Ай-ай, гражданин, нехорошо. Бабушка вам кто — сродственница или посторонняя?

— Посторонняя.
— Зачем же вы посадили ее в машину? Ваши документы.
Старшина внимательно изучает мой паспорт, командировочное предписание, строго предупреждает:

— Чтобы это было в последний раз.
Через сто метров вижу на обочине еще одну бабушку, теперь уже с ребенком. Место в машине есть, сажаю и ее. И снова слышится команда:

— Стой!
Все тот же старшина на том же мотоцикле.
— Зачем взяли вторую женщину?
— По той же причине. Идет дождь, а нам по пути.

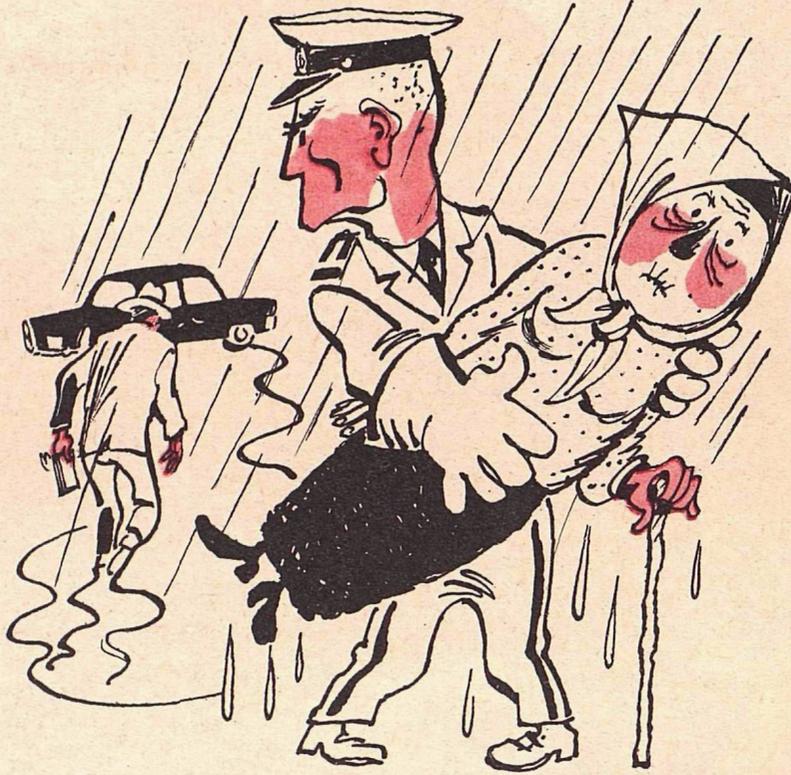
На этот раз старшина действует строже. Высаживает обеих женщин — и с посылком и с ребенком — на обочину. Записывает место моей работы, адрес, где живу. Делает дырку на водительских правах шофера.

— Больше не сажай посторонних! Почему не сажай? Работники ОРУДа не верят в наше с шофером бескорыстие. Думают, мы зарабатываем на перевозке бабушек миллионы.

Взаимопомощь в пути... Доброе, старое общечеловеческое правило. Оно существовало задолго до нашего рождения, будет долго существовать и после нас.

Несколько лет назад я был с группой туристов в Италии. Случилось ЧП. Утром, пока я брился — а борода у меня жесткая, неподатливая, — автобус с туристами укатил. Наш гид синьора Лючия считала нас по десять раз в день. А в это утро забыла сделать перекличку, и я отстал. Стою на обочине шоссе бритый, умытый, опрысканный тройным одеколоном и не знаю, как быть. До Рима 120 километров.

И вдруг рядом, словно по щучьему велению, останавливается разряженный фургон с бутылками «Кьянти». Шофер открывает дверцу, вежливо спрашивает, о чем грустит синьор, а синьор ни слова по-итальянски и пытается на чистом русском объяснить местному жителю, что он отстал от автобуса. Из долгой тирады синьора шофер винного фургона понял всего два слова «руссо» и «Ромма» и любезно пригласил занять пустое место рядом с собой. Через двадцать километров фургон должен был свернуть вправо, а дорога в Рим шла прямо. Но шофер не бросил безязыкого пассажира одного на дороге. Он поднял руку

и остановил легковушку, за рулем которой сидел монах. И хотя монах ехал не в Рим, а в монастырь, он сделал крюк, провез меня километров шестьдесят. На развилке, прежде чем свернуть к монастырю, монах любезно сошел со мной на шоссе. Попутных легковушек долго не было, и тогда шофер-монах, не долго думая, останавливает мотороллер и просит хозяйку подбросить отставшего туриста до Рима. Хозяйка показала на багажник.

— Если угодно синьору?.. Последний отрезок пути до Рима я проделал на запятках у итальянской матроны, прячась за широкой ее спиной от ветра. Хозяйка была предупредительна и любезна до конца. Она не ссадила туриста у въезда в город, а узнав, что тот остановился в районе вокзала Термини, лихо подкатила к дверям отеля.

Был у меня в жизни еще один счастливый случай. Я даже запомнил день, час, минуту, когда он произошел. Понедельник, 8 июля. Семь двадцать вечера. В Лужниках назначен футбольный матч «Спартак» — «Торпедо». Тот самый, знаменитый. Судья вот-вот вызовет на поле игроков, а я задерживаюсь в рентгеновском кабинете поликлиники. Врач не вовремя взял на подозрение мои легкие и ну задавать тьмутящую ненужных вопросов: не перенес ли больной в детстве кокалю, корь, свинку и т. д.

Когда я выскочил на Садовое кольцо, до начала игры оставалось всего семь минут. В автобус и троллейбус не влезть. Переполнены. В поле зрения ни одного такси. Стою с тоской во взоре. И вдруг снова, словно по щучьему велению, рядом тормозит машина и уже не винной фирмы «Кьянти» и не легковушка монаха с выбритой тонзурой, а наша родная «Волга», и мой земляк-москвич гостеприимно открывает дверцу машины.

— Вам туда?
— Туда.
— Садитесь!

Трогаемся и слышим сзади команду:

— Стой, куда?
— Туда.

А сержант милиции удивленно поднимает вверх бровь: «Куда туда?» Делает вид, что никогда не слышал ни про Лужники, ни про футбол.

— Какой такой «Спартак»? Какая такая «Торпедо»? Предъявите документы.

Времени в обрез, а сержант нарочито медленно изучает паспорта и удостоверения. Ругается. Особенно строго выискивает с доброго человека, который любезно посадил меня в машину:

— Нехорошо, гражданин! Стидно. Преподаватель вуза, профессор, доктор технических наук. А барахлите по-мелкому. Зарабатываете на попутчиках рубли.

Под градом незаслуженных обвинений добрый человек бледнеет, краснеет, а вместе с ним бледнею, краснею и я. Не хотел, а подвел честного, хорошего человека. На счастье, к нам подъезжает лейтенант ОРУДа. Спрашивает, что случилось.

Объясняем, показываем на часы. Лейтенант задает вопрос:

— За кого болеете?
Мы с добрым человеком болеем по-разному. Один за «Спартак», другой за «Торпедо». Лейтенант вручает водительские права владельцу и с завистью говорит:

— И я поехал бы с вами. Да вот дежурю, не могу.

В тот раз инцидент на дороге окончился благополучно. Хэппи энд! Спасибо товарищу лейтенанту! К сожалению, говорить «спасибо» на дорогах приходится не так часто. Обычно дорожные происшествия заканчиваются по-другому. Ненужными препирательствами, обидными подозрениями и оскорблениями.

Не думайте, будто я так наивен, что считаю всех водителей машин безгрешными купидонами, всех беру под защиту. Нет! Среди водителей есть и падшие ангелы.

Не так давно в редакцию пришел автолюбитель, преподаватель вуза,

только не доктор наук, а кандидат. Доцент К. принес жалобу на свою жену Лидию Борисовну. Эта жена, окончив курсы шоферов, занялась бизнесом. Делала две коммерческие ездки в день. Сажала у Казанского вокзала по 3—4 пассажира с поезда «Сибиряк» в машину и развозила их по гостиницам. Вечером муж придет с работы, а жена хвалится: — Поздравь, я сегодня заработала пятерку.

Муж пробовал стыдить жену за извозный промысел. Просил, уговаривал не заниматься коммерческими езтками. Грозил развестись. Ничего не помогало. Лидия Борисовна вошла во вкус легких заработков. И вот муж-доцент сидит у нас в комнате, просит вызвать в редакцию жену:

— Припугните! Скажите — напишете фельетон. Может, одумается...

Коммерческими езтками занимаются не только жены, но и мужья. В свое время я напечатал фельетон под названием «Седьмая победа». В нем критиковалась отвратительная категория автолюбителей — тех самых, которые презрительно именуются в Москве барахольщиками, в Узбекистане и Киргизии — калымщиками, в Армении — папахами. Деятельность калымщиков и барахольщиков возмутительна, преступна, однако процент калымщиков среди автолюбителей невелик. Их имена хорошо известны и сотрудникам ОРУДа и сотрудникам ОБХСС. Чтобы выявить новую поросль барахольщиков, совсем не обязательно брать под подозрение каждого водителя и высаживать бабушек на обочину.

С недавнего времени я по неосторожности тоже стал автолюбителем, и так как мое отношение к бабушкам не изменилось, то я теперь значительно чаще слышу за своей спиной милицейский свист.

— Стой! Кого посадил?

Должен сказать, сотрудники ОРУДа, с которыми у меня были встречи на дорогах, как правило, ограничивались главным образом нотациями, наставлениями. Ни один ни разу не оштрафовал меня ни на рубль, ни на трешницу. Чем это объяснить, даже не знаю: то ли честным выражением глаз, то ли корреспондентским удостоверением в кармане.

Да это, собственно, и неважно, так как выступаю я сейчас не в защиту рублей и трешниц, а хочу оборонить от поругания старое, доброе правило взаимопомощи в дороге.

Старшины и сержанты милиции ополчились на пассажиров с обочины, руководствуясь постулатом: «Пеший конному не товарищ!» А постулат устарел, износился. Те, кто часто проводит время в пути, хорошо знают: сегодня водитель окажет помощь пешеходу, завтра пешеход выручит в беде водителя. Поднажмет плечом, поможет машине выбраться из канавы. Пеший «конному» так же, как и «конный» пешему, — товарищ! И ссорить их друг с другом незачем.

Сем. НАРИНЬЯНИ

ОТ КРОКОДИЛА. Как видим, вопрос, поднятый автором фельетона, имеет две стороны — моральную и административную. С моральной, на мой взгляд, все ясно: «конный» пешему должен быть всегда товарищ! Но бывает и так, что «конный» норовит совсем не по-товарищески сорвать с пешего за автоуслуги некоторый куш. И это уже северно. И с этим уже надо как-то бороться. И, видимо, не так, как борются изображенные в фельетоне работники ОРУДа — ГАИ. А как же?

Подожду, что скажут по этому поводу руководители Министерства охраны общественного порядка.

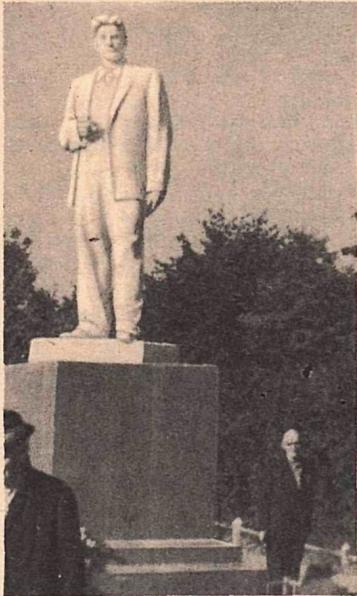
НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче

(ПУШКИНО, АКУЛОВА ГОРА, ДАЧА РУМЯНЦЕВА, 27 ВЕРСТ ПО ЯРОСЛАВСКОЙ ЖЕЛ. ДОР.)

Оно случилось, как утверждают библиографы, в 1920 году. Именно тогда, когда

В сто сорок солнц закат пылал, в июнь катилось лето, была жара, жара пыла — на даче было это. Пригорок Пушкино горбил Акуловой горою...

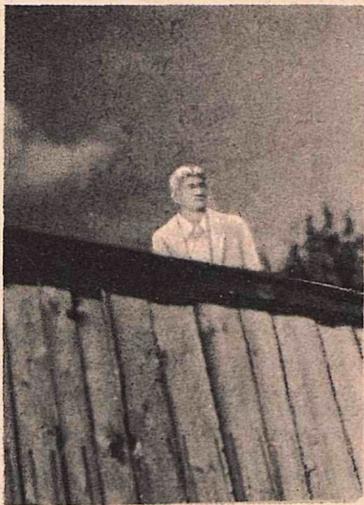
И вот минуло 48 лет. Много разных событий произошло за это время. Тем не менее пригорок Пушкино до сих пор горбит Акуловой горою. Только близ дачи, где «было это»,

теперь открывается библиотека-музей великого поэта. А сам поэт, дерзко споривший с солнцем, стоит каменным изваянием неподалеку от Акуловой горы.

Так уж как-то получилось, что этот оригинальный памятник оказался на территории электромеханического завода. Но это ничуть не вредило почитателям Владимира Владимировича. А его друзья и сестра Л. В. Маяковская сказали, что памятник удачно передает облик и характер великого поэта.

Казалось, ничто не предвещало бурных событий, однако же вновь случилось необычайное приключение с Владимиром Маяковским. Летом на даче (Пушкино, Акулова гора, дача Румянцова, 27 верст по Ярославской жел. дор.).

Памятник неожиданно очутился за высоким забором. «Ходят тут разные посторонние, смотрят», — подумала дирекция завода, списывая гвозди и доски, ушедшие на добротный забор.

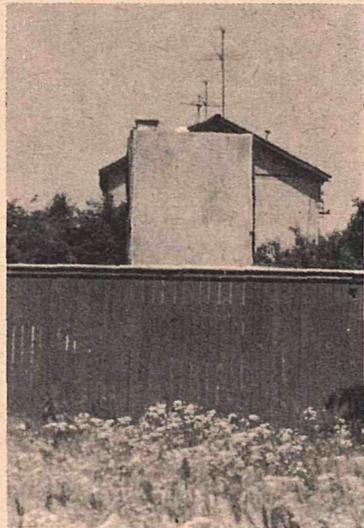
Теперь, чтобы взглянуть на поэта, надо было брать с собой раскладные стулья, ходули или плечистых родственников.

И брали стулья, ходули и плечистых родственников и отдавали должное памяти поэта. Да говорили еще при этом, что надо бы передать памятник библиотеке-музею, которая тут же, под боком. И добавляли, что, дескать, кому-кому, а вам, заводу, который шефствует над библиотекой-музеем, вести себя так уж совсем странно.

Вот тогда-то все и страшлось. Исчез памятник. Был, и нет его.

— Стройку поблизости развернем, — объясняла дирекция любопытным. — Своими силами. Когда — пока сами не знаем. А любопытным совсем необязательно рядом с поэтом разный заводской хлам видеть.

Окружили статую фанерными щитами и забыли. И про поэта и про стройку. Год минул, а стройка так и не развернулась. Только щиты обветшали и потрескались.

Когда в комнату к поэту «ввалилась солнца масса», мы не боялись, мы знали: поэт выдюжит. И он выдюжил. («И скоро, дружбы не тая, быю по плечу его я»). Теперь же, когда на памятник поэту навалилась дирекция электромеханического завода, мы не уверены, что дело кончится так же оптимистически.

К. ЖУРБИЦКИЙ, председатель совета краеведческого музея-клуба трех поколений

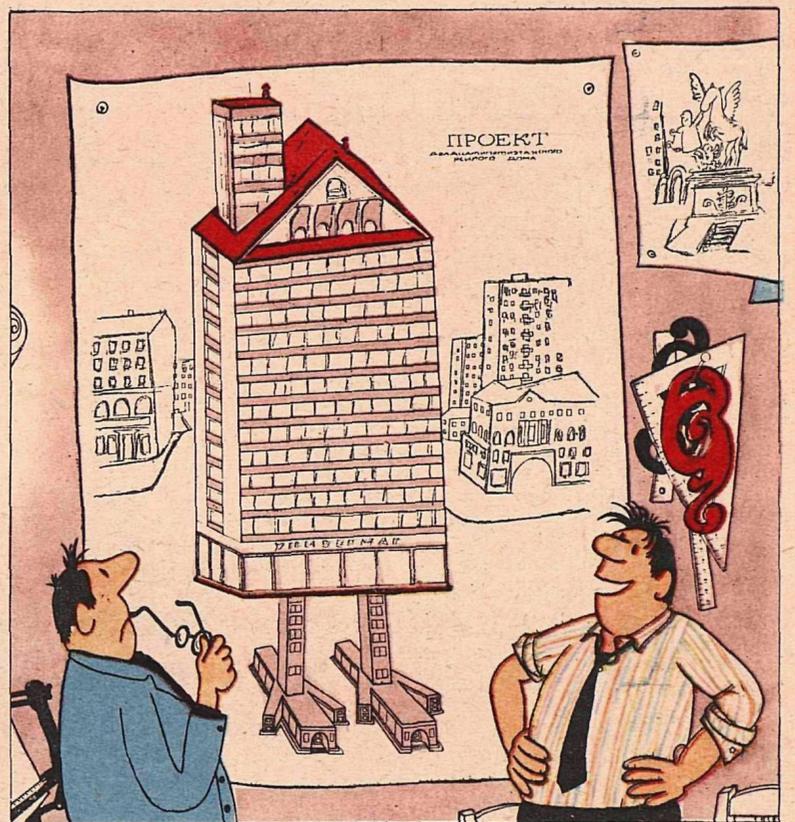
Фото автора.

г. Пушкино, Московской области

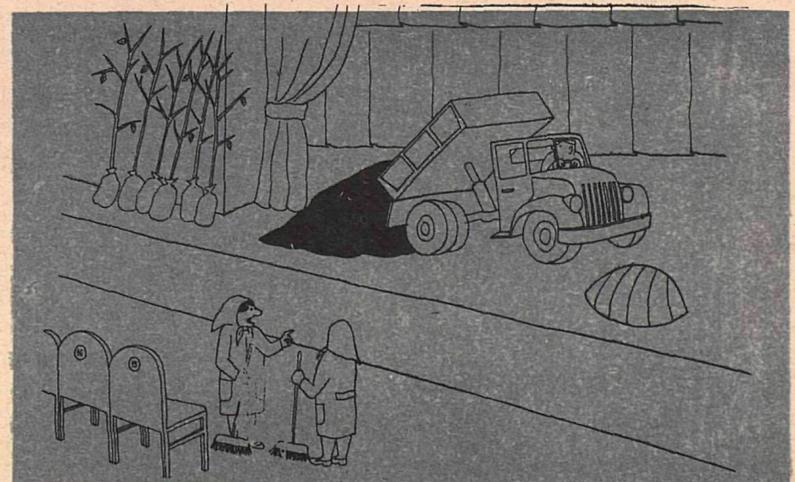
— А мне начхать, что ты режиссер! Ты как стоишь перед фельд-маршалом?

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

— В своем проекте я творчески использовал сказочные мотивы...

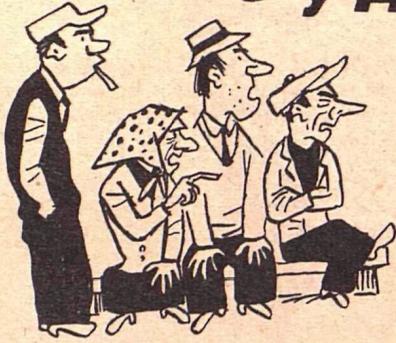
Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

— Гляди, никак «Вишневый сад» собираются ставить!

Рисунок Ф. КУРИЦА

Суд

Мы сидели во дворе на лавочке, когда у подъезда остановилась личная машина гр-на Кулика. Воровато озираясь, он открыл багажник. Там лежала половина свиной туши...

— Был бы я милиционером,— шепотом начал жилец 45-й квартиры,— я подошел бы сейчас к нему и прямо спросил: откуда у вас при вашем окладе личная машина и из каких таких мест вы каждый день привозите домой мясо в огромных количествах?

— Был бы я прокурором,— робко продолжил жилец квартиры № 46,— я срочно бы распорядился сделать ревизию на складе мясокомбината,

где заведует этот Кулик. А потом проверил бы его домашние кладовые, где наверняка обнаружил бы недостающее мясо...

— Если бы меня вызвали свидетельницей,— зашептала старушка из 58-й,— я бы рассказала, что каждый день вижу Куличиху на базаре. Мясом торгует по спекулятивным ценам...

— Был бы я судьей,— мрачно завершил я,— без всякого снисхождения дал бы ему срок на полную катушку. Таких наглых воругов надо изолировать от здорового коллектива!

— Добрый вечер! — нахально сказал нам гр-н Кулик.— Не окажете ли

маленькую любезность по-соседски? Нужно поднять эту вещичку на пятый этаж.

Мы опустили глаза и пожали плечами. Свиныню гр-на Кулика мы несли на брезенте.

Потом мы спустились во двор и сели на лавочку. Через некоторое время жена Кулика пронесла мимо нас корзину с мясом.

— На базар пошла,— начал жилец из 45-й квартиры.— Эх, был бы я милиционером!..

Я приготовился произнести приговор.

г. Ростов-на-Дону

— После этого симулянта врач всегда принимает валидол.

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

Эм. ПРАГ и М. РОНКИН

УМЕЛЕЦ

Сначала гайки он достал,
Потом болты принес,
Потом достал карданный вал,
Насос, педаль и трос,

Затем достал моторный блок,
Что списан был в утиль,
Еще колеса приволок,
И вот (тому свидетель бог)
Умелец в пятидневный срок
Собрал автомобиль.

И вскоре со страниц газет
Торжественно, анфас,
Умельца этого портрет
В упор глядел на нас.

Был в телестудию затем
Умелец приглашен
И в интервью «Доступно всем!»
Сказал с экраном он:

— Коль есть в душе к
машинам страсть,
Не дайте ей сгореть!
Тут важно нужную запчасть
На складе присмотреть...

И очень важно (в том секрет!),
Чтобы никто иной,
А дядя Вася — мой сосед —
Дежурил в проходной!..

г. Фрунзе

ЧТО ЗНАЧИТ СОСТОЯТЬ В БРАКЕ

Вася, ученик третьего класса, знал устройство папиного телевизора, мамино пылесоса и знал, как выучить любую собаку ходить на задних лапах. Он мог съесть десять эскимо, а мог и не съесть — для воспитания воли. Он знал всех хоккеистов и одного академика. Он много чего знал, потому что смотрел папин телевизор.

Однажды, познавая мир глубже, Вася увидел в журнале статью «Гигиена брака». Что гигиена — это мытье рук перед едой, он знал давно. Слово же «брак» ему было неизвестно.

На следующее утро, когда папа и мама начали собираться на работу, Вася спросил, упаковывая в портфель рогатку:

— А что это такое — состоять в браке?

— Состоять в браке,— оживилась мама,— это значит: тетя по утрам

готовит дяде кофе, а сама попить не успевает.

— Это когда тетя кипит бурду,— радостно подтвердил папа,— и думает, что варит натуральный кофе. Сама это пойло, естественно, не пьет, а на работе выкушивает какао.

— Вася, это когда дядя портит нервы тете, потому что на работе не может справиться с проектом.

— Сынок, это когда тетя портит нервы дяде, потому что купленная шляпка сидит на ней, как каска на солдате.

— Это когда тетя, Василий, не имеет права купить себе сумочку.

— Правильно, сын мой, не имеет права купить себе пятую сумочку.

— Это когда дядя, Васечка, живет с тетей для того, чтобы она его обслуживала.

— Сын, это когда тетя живет с дядей, чтобы прикармливать его зарплату.

— Состоять в браке, Васильчик,— это связаться с ничтожеством и делать вид, что живешь с мужчиной.

— Состоять в браке сынок,— это связаться с бабой и делать вид, что живешь с женщиной.

— Вася, вступить в брак может только женщина без царя в голове.

— Ха-ха-ха, сын. Наконец-то мы слышим признание насчет собственной головы. Между прочим, мужчина может вступить в брак только в состоянии алкогольного опьянения.

— Ха-ха-ха, Василек! Наконец-то мы слышим признание во врожденном алкоголизме. Состоять в браке с алкоголиком — это ужасно, сынок... Длинный звонок заставил супругов замолчать. Папа открыл дверь. На пороге стоял Вася.

— Как?! Ты разве вышел? — удивился папа, судорожно завязывая галстук.

— Куда ты выбежал? — спросила мама, надевая шляпку.

— Я из школы — четыре урока было. Мам, обедать будем?

г. Ленинград.

КОМУ ПОДМЕТАТЬ

Некий гурьевский гражданин, пожелавший остаться неизвестным, обратился к нам с запросом. «Боги,— писал он,— проживают в Москве. У нас так некоторые говорят. Все же, я думаю, они должны знать, какое тут у нас положение. Разыщите их и взъясните с них».

А положение неважное. Потому грязно больно. Не подметается совсем.

Правда, замечает безвестный борец за чистоту, «когда по прошлому году области вручали орден, то кое-что в направлении состояния улучшения грязи было сделано».

Другими словами, по прошлому году начали подметать. А по этому — опять бросили.

Отыскать в столице человека или даже «бога», не зная ни фамилии, ни имени и отчества (хотя бы примерно), ни года и места рождения,— дело совершенно безнадежное.

И я полетел в Гурьев. И опустился прямехонько в кабинете председателя горсовета И. Д. Пустохайлова. Ознакомившись с письмом, Иван Дмитриевич сказал:

— Догадываюсь, на кого этот товарищ намекает. На министерства, которые строят у нас свои предприятия. Но только он зря так на них навалился. Зря бога гневить не надо — помогают.

— А вот он пишет — не подметают.

— Об этом потом,— улыбнулся председатель и стал обстоятельно перечислять все, что сделали, что делают и что обещают сделать для дальнейшего процветания и благоденствия города Гурьева бог нефти, бог газа, бог транспортного строительства.

Начать хотя бы с того, что все они или их заместители лично опускались на гурьевскую землю. Проводили совещания. Выделяли средства на сооружение мостов и асфальтовых покрытий, присылали сюда мусороподметальную и тротуарополивальную технику. Вполне современную. Вполне пригодную для поддержания чистоты.

— Ну и как, поддерживается?

— Дойдем и до этого,— говорит председатель и продолжает свой рассказ.

Оказывается, принято специальное постановление насчет того, чтобы в городе Гурьеве были на должном уровне всяческие благоустройства.

Чего греха таить, не все помогают одинаково. Председатель горсовета просил в этом смысле критиковать Министерство газовой промышленности.

— Божился товарищ Картунов, министр, что будет строить дома для своих рабочих, и не строит.

А вот тов. Федорова В. С., министра нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, того, наоборот, председатель просил очень даже похвалить. Обещает министр дать городу еще один асфальтовый завод.

— Асфальт для нас — проблема номер один. Заасфальтирована на сегодняшний день всего пятая часть улиц.

— Ну, а как все-таки насчет подметания в городе Гурьеве?

Председатель как-то замаялся, и я решил посмотреть лично, насколько был прав автор письма.

На площади Абая недавно построили новую гостиницу, добротные жилые дома. В нижних этажах разместились магазины, где даже действует «эркондишен». Вокруг разбили сквер. Посреди площади соорудили бассейн и фонтан.

Заровнять же ямы и бугры после стройки так и не заровняли. А всех дел хорошему бульдозеру — на одну смену. Поштукатурить и покрасить уже облупившиеся стены некому.

Три года назад через реку Урал перекинули прекрасный мост. На нем установили современные мощные светильники. Бегут по мосту «Волги» и «Москвичи». Даже маршрутное такси ходит. Как в Москве.

А в пяти метрах от подъездов к мосту — ржавые трубы, мотки проволоки, обрывки и осколки того и сего, а в боковой улочке, в бурьяне, пасутся овцы и козы.

На обоих берегах Урала вниз и вверх от моста километра на полтора укладываются плиты в набережную.

А на многие километры далее берег Урала являет собой картину, близкую к той, какой мы представляем стоянку древнего человека. С той поправкой, что человеку этому были уже известны различные орудия из железа, как-то: якоря, баллоны для газа, цепи и даже баржи, которые лежат там и сям, разбитые вдребезги чудовищными пацанами.

В самом центре города красуется кинотеатр «Юность». Рядом с ним кафе. Построены недавно. По проектам нездешних архитекторов. По замыслу авторов, на стене здания под самым карнизом брошен синий штрих. Модно. Стильно.

После первого же дождя кокетливый штрих на всю стену заплакал длинными синими слезами. Заплакал от обиды на строителей-халтурщиков.

Любят в Гурьеве, как я убедился, городить всяческую железную и деревянную городьбу. На одну загородку повесят плакат, на другую — список предприятий, на третью — повышенные обяза-

тельства по благоустройству города. Около дома политпросвещения соорудили частокол из крупных железных труб, а что на него вешать, видно, пока еще не придумали. Так и стоят одни черные жерди, пугая ночных прохожих.

Я за то, чтобы выставить в городском сквере портреты передовиков. На всеобщее обозрение. Пусть все граждане глядят и берут с них пример. И против хорошо оформленных плакатов кто же возражать будет?

Но надо же знать меру. А главное, сперва неплохо подмести все окружающее пространство, убрать мусор, посадить цветы.

Подметать же улицы в г. Гурьеве, как выясняется, действительно не подметают. То есть, конечно, кое-какие попытки в этом направлении делаются. Но очень уж робкие. Знаете, как порой новобранец чистит сапоги: плюнет на щетку и пару раз чиркнет по носку. А чтобы там голенища, задники, да еще ваксой, а потом бархоткой — это ни в коем разе. Стесняется вроде бы.

Я ходил по городу и все думал, как помочь его гражданам. И ничего толкового придумать, каюсь, не мог.

Наш анонимный поборник чистоты — вот тот придумал. Он полагает, что тут «требуется немедленное вмешательство со стороны. И притом энергичное и дельное вмешательство».

Вот видите, значит, выход есть. Нужно энергичное и дельное вмешательство. Но только — со стороны! Непременно из столицы. Можно, в порядке исключения, из республиканских центров. Но не ниже. Из областного уже нельзя, поскольку Гурьев — сам областной центр.

Так что, товарищи москвичи и алмаатинцы, киевляне и рижане, имеется для вас дело. Захватите с собой метлы и срочно летите в Гурьев.

Будем подметать!

А. СУКОНЦЕВ,
специальный корреспондент Крокодила.
г. Гурьев.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Природа не поспешила в ту местность Краснодарского края, которая именуется Горячий ключ. Низвергла с гор веселую и прохладную речку, а долину талантливо декорировала пышной зеленью.

Одни люди сказали природе «Спасибо!» — и создали здесь курорт. Другие молвили «Большое спасибо!» — и стали здесь отдыхать. А потом пришли третьи и, воскликнув «Не стоит благодарности!», начали охальничать, озоровать. Да так, что речка Пескуп, дай ей волю, с удовольствием целиком бы удрала обратно в

горы, прихватив с собою немногие еще оставшиеся породы рыбы.

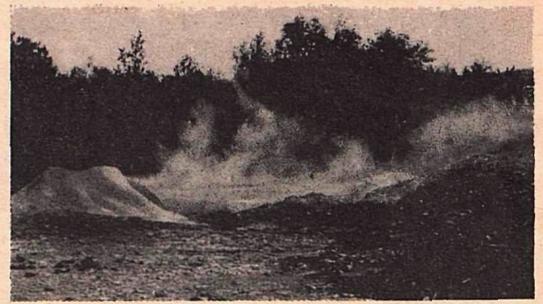
Удирать, право, есть от чего. Подошел как-то к берегу С. Г. Депоныя, начальник мебельного цеха фирмы «Кубань», и воскликнул:

— Вот это местечко! Так и создано, чтобы устроить здесь крематорий для опилок.

Запылили древоотходы, а вместе с ними приречный курстарник. Дым повалил к горам, окутывая весь курорт.

— Почему река такая чистая? — возмутился И. М. Анимов, директор соседнего маслозавода. И распорядился сливать в нее всяческие отходы.

Поругание продолжается. Р. Б.

Для наглядности публикуем снимок очаровательного уголка курорта, присланный из г. Горячий ключ читателем В. Воловдовым.

**ВЫЛЫ
В
БОДУ!**

А началось все с потолка...

Именно так, с потолка, потому что квартира директора музыкальной школы Орловой находится под квартирой учительницы Даниличевой.

Дело в том, что ребенок Даниличевой брал высокие ноты и топал ножками по полу, и это создавало в доме обстановку звуковой напряженности.

Когда младенцу исполнилось три года, вопрос о нем был поставлен перед заместителем председателя горисполкома тов. Генераловым.

— А какой силы плач трехлетнего ребенка? — спросил тов. Генералов. — Слабее автомобильной сирены? Тогда, думаю, решение по этому вопросу принимать не будем. Но вызвать нарушителя можно.

— Так он еще не ходит!

— Жаль. Тогда мы призовем к порядку родительницу.

Вызвал. Призвал.

Однако младенец оказался твердым орешком и никаких гарантий, что не будет плакать, не дал. В связи с этим вопрос был поднят еще выше. Под председательством теперь уже другого заместителя председателя исполкома городского Совета, тов. Буравова, руководящие работники горсовета и горкома партии собрались на небольшое совещание с участием Орловой и Даниличевой.

После оживленных прений, нацеленных на урегулирование конфликта, совещание постановило:

— Поскольку он у вас просто капризный, тогда его, того, и щелкнуть можно. По носу или по какому другому месту.

Несмотря на эти мудрые указания, гарантий, что младенец не будет плакать и просыпаться по ночам, опять-таки получить не удалось. Поэтому и добрососедские отношения остались прежними.

И, стало быть, теперь уже можно сделать кое-какие выводы. Поскольку городские власти занимались детским плачем не однажды и на самом высоком уровне, выходит, что административным порядком в Кулебаках эту проблему не решить. Тогда сам собой напрашивается выход: создать, скажем, по примеру Бюро добрых услуг станцию экстренной помощи ссорящимся соседям.

Тогда у работников исполкома и горкома партии Кулебак наверняка появятся резервы времени для решения более сложных вопросов. Таких, скажем, как повышение культуры и образования в Кулебаках, во что и тов. Орлова и тов. Даниличева наверняка могут внести свою лепту.

А. ПАВЛОВА,
специальный корреспондент
Крокодила

г. Кулебаки,
Горьковской области.

Не стой под стрелой!

Вот толстый конверт из редакционной почты. Читая документы, вложенные в него, испытываешь такой захлест возмущения, что не хочется ничего писать, хочется открыть фрамугу и крикнуть: «Милиция!»

Но УООП вряд ли поможет. Потому что, кто знает, всепогодная ли организация УООП.

Короче говоря, речь пойдет о влиянии климата на работу инстанций.

Пойдем на поводу фактов. В Ижевске есть мебельный комбинат «Удмуртлес». Ну, приходит бревно, его так и эдак обгрызают станками, полируют, фугуют — получается мебель. Вносите в кабинеты, садитесь, принимайте решения.

Принимали решения. Было и такое: всемерно облегчать условия труда рабочих. Электрификация, механизация, научная организация...

Отозвались на новые веяния и сами же мебельщики. Заострили внимание: в цехах-то порядок, а по надворным работам отсталость на уровне срама. Поступает доска, брус, бревно, а нет никаких механизмов погрузо-разгруза, сплошная мышечная работа, ушиб, прищемление, заноза.

И в свете взятия больших рубежей мебельщики снесли с завода в Дрогобыче: «Согласно наряду просим отгрузить один автокран».

Получили кран. Замечательно

висел крюк, алело «Не стой под стрелой!». Стропальщик, специалист по зацеплению грузов, любовно разматывал трос.

Оставалась маленькая формальность: зарегистрировать кран в пермском горгостехнадзоре.

Начальник отдела главного механика Баренбаум вернулся из технадзора без кепки (забыл) и в растерянном виде.

— Отказали, — сказал Баренбаум. — Не хотят регистрировать.

И грузчики, уже подавшиеся было к станкам, на повышение квалификации вышли во двор, крикнули, отволокли в сторонку кран и привычно взялись: круглое — кати, плоское — тащи.

Потому что, как оказалось, Дрогобыч подвел. В Ижевске зимой мороз бывает за тридцать градусов, а Дрогобыч прислал кран, годный к эксплуатации до тридцати.

Дорогой Крокодил!

Жители нашего города утверждают, что Джемказган давно уже следует переименовать в Джемгазан, а хлопоты по переименованию предлагают возложить на местную ТЭЦ.

Частица «газ» действительно вполне уместна. Тучи золы, пепла и еще бог знает чего днюют и ночуют над городом. В общем, чистый воздух нужен нам, как воздух!

Ф. КИРИЛЛОВ,
В. СИДЕЛЬНИКОВ и др.

г. Джемказган

ЧУЖОЙ РЕБЕНОК

На станции Плетеный Ташлык, на хлебоприемном пункте, обнаружен подкидыш. Имя подброшенного — Подъездной путь. Ранее он принадлежал Ново-Украинскому сахарному комбинату, который и был обязан его отремонтировать.

Желая сэкономить средства на ремонте, комбинат решил избавиться от этого сооружения. Выход был найден весьма остроумный. Комбинат списал подъездной путь со своего баланса и сообщил Одесско-Кишиневской дороге, что отныне этот путь будет принадлежать хлебоприемному пункту.

Начальник Знаменского отделения дороги тов. Перегудов одобрил изобретенный комбинатом новый метод перекладывать свою ношу на чужой горб и предложил хлебоприемщикам немедленно заняться ремонтом подброшенного пути, заявив, что в случае непослушания будет прекращена подача вагонов под хлеб.

Вот как строго!

В. СТЕПАНОВ

Кировоградская область.

ВЕРХ МАСТЕРСТВА

Сшить два одинаковых ботинка не штука. Но шить их так, чтобы они вышли из строя одновременно и с одинаковыми дефектами, — это уже вершина сапожного искусства.

Такую пару вы видите на снимке. Стоило подошве левого полуботинка на сто восьмидесятой минуте носки прервать контакт с верхом, как на сто восемьдесят первой точно так же поступила и правая.

Не кажется ли вам, что на фабричной этикетке чего-то не хватает? Вот именно. Нет указания: «Только для акробатов». Ибо в такой обуви хорошо передвигаться только вверх ногами — на руках.

В заключение позволю себе дать руководителям свердловской фабрики «Уралобувь» два совета:

а) дополнить этикетку недостающей графой;
б) при дальнейшем выпуске модели 2732 учесть, что работники циркового жанра не составляют большинства населения нашей страны.

А. МЕРКУШЕВ, слесарь.

г. Нижний Тагил.

Написали заводу в Дрогобыч. Дрогобыч ответил длинно и в том смысле, что это не столько он подвел, сколько его подвели. Поставщики обжулили, не дали мартеповской стали спокойной плавки группы В, подсунили группу Б. Уж простите.

А про обмен крана ни слова. Написали еще письмо: «Дрогобыч, завод автокранов, Махоркину. Просим заменить кран».

Нет, не стал заменять Махоркин. Обошелся советом по почте. Мол, вы издайте на комбинате приказ: работать на кране в морозы за тридцать нельзя. И все дела. Зарегистрируют.

Издали приказ. Еще летом повесили всюду термометры с красной чертой на делении «30». Провели возле крана семинары и инструктажи. Нашли крановщика и стропальщика чуть не с высшим техническим. Думали — вот уж теперь!..

А горгостехнадзор опять отказал. Устно и письменно.

— Господи! — закричали ижевские мебельщики. — Да что это? Кто же решать возьмется?

Побежали в гидрометслужбу:

— Ну, скажите, у нас, в Ижевске, сколько дней в году с морозом за тридцать?

В гидрометслужбе подняли сводки. Посмотрели за сорок последних лет, учли даже воспоминания солдата гренадерской службы Аггея Артемова. Сказали точно:

— В году у вас бывает десять—четырнадцать дней с морозом за тридцать. В остальные триста пятьдесят один день кран к работе пригоден. Пусть не дурят, кто запрет наложит.

И с новой силой мебельщики загрузили почту. Было написано: снова в горгостехнадзор округа, в Главное управление по производству кранов и экскаваторов Мини-

стерства строительного, дорожного и коммунального машиностроения, Комитет горгостехнадзора СССР, Комитет народного контроля СССР, Главлеспром и Главлесснаб...

Ответы пришли быстро. Так быстро, что возникает даже опаска: а успел ли кто-либо в инстанциях вдуматься, о чем просят мебельщики?

Созрела громадная переписка, однако никто ничего решать не хотел.

И сейчас, когда градусник кажет плюс во дворе комбината, понутив стрелу, стоит кран. Он не может работать при морозах за тридцать — это ясно, как ясно и то, что некоторые учреждения не всегда могут работать и при комнатной температуре.

Ч. П.

— А я помню время, когда за воблой была всего-навсего вот такая очередь!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

РЕДКАЯ НАХОДКА

Недавно в конфете «Фантазия» Ленинградской кондитерской фабрики имени Самойловой один покупатель обнаружил цельнометаллическую зубную коронку. То ли это увязла коронка какого-нибудь работника ОТК, бдительно проверяющего на зуб каждую выпускаемую конфету, то ли здесь имела место какая-то тайна — трудно сказать. Во всяком случае, если вы обнаружите в коробке конфет этой фабрики целую вставную челюсть, не удивляйтесь.

Откуда дровишки?

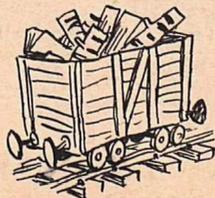
Колхоз «Родина», Первомайского района, Донецкой области, выписал из Волгоградского управления Леснабсбыта строительный лес. Может, и есть недостатки в работе Леснабсбыта (а у кого их не бывает?), но там не остались глухи к нуждам колхоза. Лес был погружен в вагон и снабжен документом: здесь, мол, 31 кубометр.

Вагон прибыл на место, колхозники его вскрыли, а там оказалось 19 кубометров дров. Дрова сухие, дуплистые... Когда иллюзионист сажает в клетку даму и она превращается во льва, это как-то можно понять. Это бывает.

Но каким образом 31 кубометр строительного леса превратился в 19 кубометров дров?

Впрочем, это, как видим, тоже бывает.

Ю. С.

КРИВАЯ КАЧЕСТВА ПРОДУКЦИИ МЕБЕЛЬНОЙ Ф-КИ

Рисунок И. СЫЧЕВА

ПОЛЯРНИКИ ПРЫГАЮТ

В Ленинграде ликвидирован знаменитый Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт. На его базе создано новое научное учреждение совершенно иного профиля. Как ни странно, первыми эту новость узнали не ученые-полярники, а экспедиторы издательства «Книга».

Простая бандероль

г. ЛЕНИНГРАД, Д-104.

Фонтанка, 34.
Артистический и акробатический НИИ.
Библиотека

Экспедиция Издательства «Книга»
Москва, Г-69, ул. Чайковского, 20а

Прочитав это, работники института поняли, что им давно следовало бросить свои полярные шапки и заняться прыжками. И они запрыгали. От изумления.

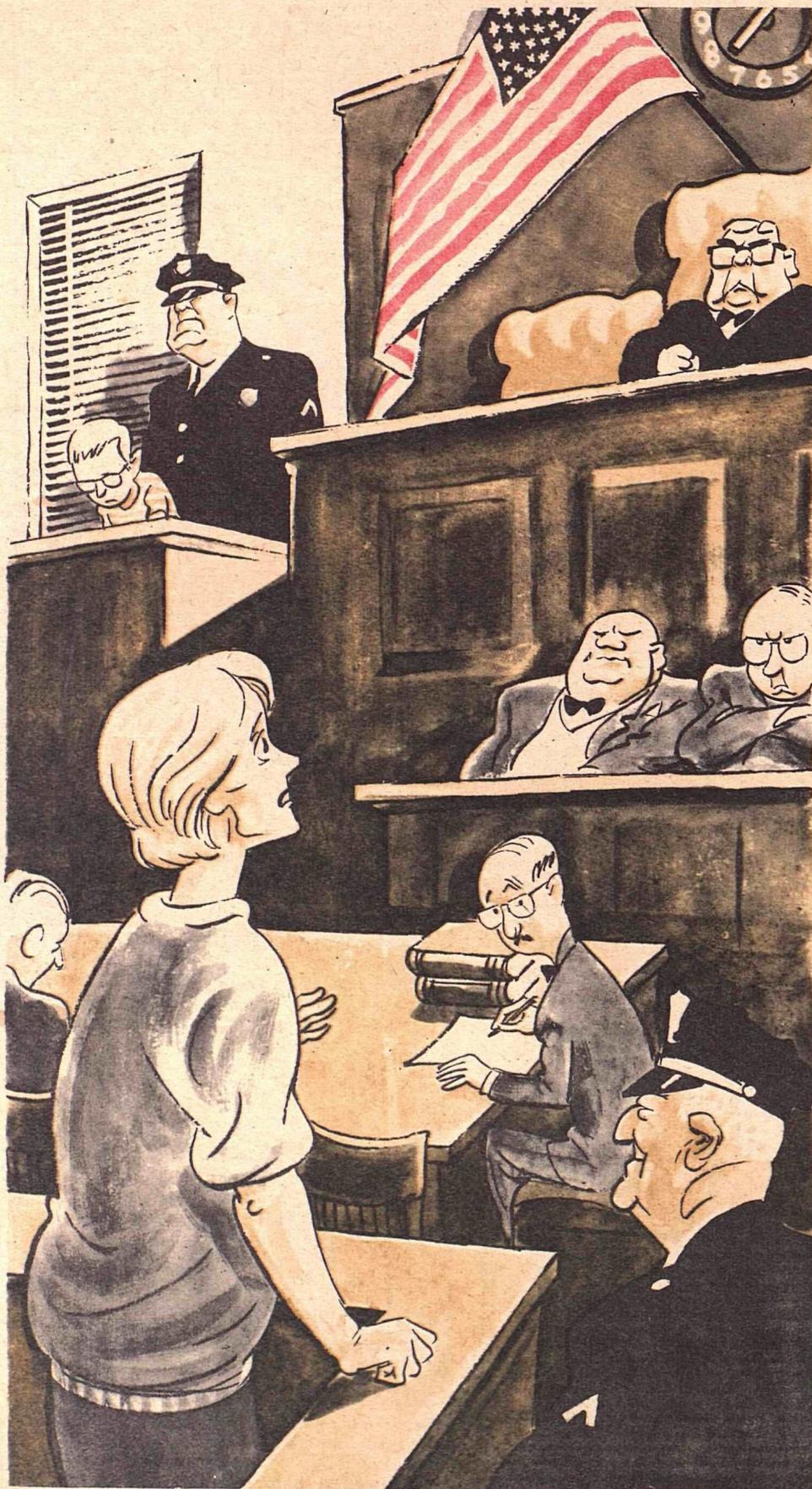
В ФИНЧ-КОЛЛЕДЖЕ

Прошло то время, когда на тихих вернисажах уважаемые леди и джентльмены чинно прохаживались от пейзажа к натюрморту, время от времени заглядывая в каталоги.

В наши дни американские любители изящных искусств, отправляясь на открытие очередной художественной выставки, вынуждены надевать самые что ни на есть затрапезные костюмы и оставлять у нотариуса на всякий случай завещание. Дабы читатель не обвинил нас в грубом преувеличении опасностей, поджидающих посетителей авангардистских выставок, сошлемся на репортаж из газеты «Кристен сайенс монитор» о вернисаже в нью-йоркском Финч-Колледже.

В зале появляются пятеро мужчин в новеньких, с иголочки костюмах. Те, кто пришел в первый раз, недоуменно переглядываются, но заведомо успокаивают их:

— Это художники-самовыраженцы. Сейчас они будут выражать себя. Только отойдите на всякий случай подальше.

— Нет, господин судья, мой мальчик не мог совершить убийства: у нас нет телевизора!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Раскланявшись и рыкнув по-тарзаньи, самовыраженцы вцепляются друг другу в волосы и, кусаясь, падают на пол. Скучные, стандартные костюмы постепенно превращаются в живописные лохмотья, сквозь которые просвечивают тела художников, украшенные свежими синяками.

Художник Арман вдохновенно топчет ногами скрипку и виолончель, добываясь получения осколков неслышанно оригинальной формы. С протяжным стоном лопаются струны, и на лице художника появляется выражение экстаза.

На него с завистью смотрит художник Энрико Бэдж. Бэдж разбивает всего-навсего зеркала, он не гонится за музыкальными эффектами, зато пол вокруг него блестит от сотен осколков.

— Разбирайте осколки, леди и джентльмены, — обращается художник к посетителям выставки, — дома вы их повесите на стенку. В них увидите не только свое отражение, но и шедевр искусства.

Художник Герман Нитич молчит. Он не зазывала на ярмарке, чтобы привлечь к себе зрителей. Его немножко коробит от криков коллег, которые мешают ему сосредоточиться, но усилием воли он заставляет себя отрешиться от окружающей суеты и отдаться любимому искусству. Искусство заключается в том, что он медленно прохаживается по залу, волоча за собой освежеванную тушу теленка. На полу остается кровавый след. Туша тяжела, и на лбу Нитича блестят капельки пота, но он не вытирает их. Это честный пот художника, тяжким трудом творящего свои шедевры.

— Как это прекрасно, — шепчет какая-то дама, — кровь, труп и пот!

В углу зала художник Люсио Фонтана ожесточенно набрасывается с ножом на холсты, натянутые на подрамники, и с удивительным мастерством превращает их в лохмотья.

— Какая техника! — восторгаются зрители. — Как он владеет ножом!

Еще дальше художник Нол Ван Хойдонк, занимая почти целую комнату, крушит молотом мебель. Мебель, к счастью, современная, не очень прочная, и он сравнительно быстро расправляется с ней. Обломки он складывает в кучу и скромно раскланявается.

— Что это? — спрашивает кто-то из новичков.

— Это называется... одну минуточку, сейчас я посмотрю в каталоге... ага, «Созидание».

— Ах, созидание...

Раздается полное ужаса кудахтанье. Это не художник. Это просто курица, которой художник Ральф Орtiz неумело отпиливает голову. Наконец голова падает, и струйка крови выстреливает в столпившихся зрителей. Труп курицы еще подергивается, а художник улыбается довольной и слегка усталой улыбкой человека, сумевшего показать лучшее, на что он способен.

Те из посетителей, на кого не попала кровь, с завистью смотрят на обрызганных, которые с гордостью несут на себе следы приобщения к искусству.

Художник Лэс Ливин демонстрирует впечатляющее произведение под названием «Электрошок». Произведение состоит из сорока четырех оголенных проводов, по которым пропущен электрический ток. Дотронувшись до любого из них, посетитель получает легкий удар и тем самым ощущает прелесть шедевра всем своим телом.

Филипп Мак-Крэкерз устанавливает в углу зала длинный узкий ящик из прозрачной пластмассы, похожий на гробик. В гробике горят пять лампочек. Четырьмя выстрелами из пистолета почти в упор он гасит четыре лампочки. Пятая еще горит. Он долго целится и наконец гасит и ее.

— Мистер Мак-Крэкерз, — подскакивает к художнику рецензент одной из газет, — объясните, пожалуйста, символику вашего произведения.

— Моя цель, — говорит художник, — внушить зрителю ужас. Он ждет пятого выстрела. Все его чувства напряжены. Сейчас, сейчас грянет выстрел, который погасит пятую лампочку... Еще мгновение... Снайпер все целится... И вот облегчающий душу выстрел.

Повторяем: мы ничего не придумали, не сгустили краски. Это была рядовая художественная выставка художников-деструктивистов, то есть разрушителей. Художников, представляющих собою передовой отряд современных авангардистов.

На выставке не было ни машин «Скорой помощи» из психиатрических лечебниц, ни смиренных рубашек. Были посетители и рецензенты.

Один из них, представлявший журнал «Ньюсуик», написал потом: «Эти художники в самом деле являются как бы отражением общества, в котором разрушение и насилие стали будничным, обычным явлением, начиная от автомобильных катастроф до бомбардировок в Юго-Восточной Азии, уголовных преступлений, голода миллионов людей, восстаний в гетто...»

Деструктивисты лишь пожимают плечами. Почему только «эти художники»? А нашумевший фильм «Бонни и Клайд», в котором главный герой, кретин-убийца, то и дело нажимает на спусковой крючок? А фильм «Зеленые береты» с его воспеванием американских убийц во Вьетнаме?

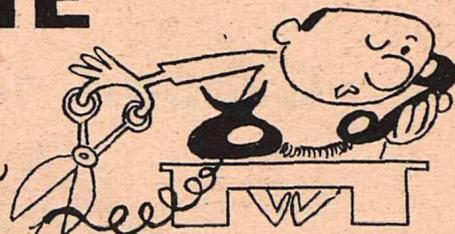
«Все мы прирожденные фашисты, убийцы, полные ненависти ко всему. Но вместо того, чтобы излить нашу ненависть на людей, мы изливаем ее в художественной форме», — говорится в заявлении художников-деструктивистов.

Это уж точно!

З. ЮРЬЕВ

НЕРАВНОПРАВНЫЕ ПАРТНЕРЫ

Я позвонил начальнику городской телефонной сети и без обиняков объяснил создавшееся положение.

— Извините, товарищ начальник, за беспокойство, — сказал я, — но вот какая штука получилась. Жена моя с работы уволилась и уже третий месяц на новую устраивается. Дочь в туристский поход отправилась — пришлось определенной суммой снабдить. А тут, как на грех, очередь на мотоцикл с коляской подошла — довелось сразу крупный куш выложить. Опять же подошел срок выплаты за телевизор и шубу, что в кредит взял. И к тому — надо же случиться! — завод наш в прошлом квартале план не выполнил, и я не получил прогрессивки, на которую очень рассчитывал...

— Не понимаю, простите, почему вы об этом сообщаете мне.

— Сейчас. Это я, извините, все к тому, чтобы вы по возможности вошли, так сказать, в мое положение и разрешили абонментную плату за телефон внести месяца через три...

— Да вы что, товарищ? — очень удивился начальник. — Ведь существуют же правила. Откройте свою абонментную книжку и прочтите пункт седьмой. До свидания!

Открыл книжку, прочел пункт седьмой: «Абонент обязан абонментную плату за пользование телефоном вносить до 14-го числа текущего месяца. За несвоевременную уплату абонментной платы телефон выключается без предупреждения».

Впрочем, я мог и не читать этот пункт про уплату платы. Наизусть помнил. А позвонил я начальнику сети, потому как рассчитывал просто по-человечески договориться. Так сказать, услуга за услугу. Я-то ведь в его положение вошел в свое время.

Вот как было. Подал я заявление на установку параллельного телефона. Сказали: установят через две недели. Минул месяц. Не ставят. Позвонил начальнику. Он вежливо растолковал:

— Придется, дорогой товарищ, еще подождать. Тут у нас такое творится! Время летнее. 50 человек в отпуске, 60 — на экзаменационной сессии в вузах, 12 — в декрет ушли, шестеро медовый месяц справляют, а четверых лучших монтеров на уборочную послали. Работать некому! Так что вы уж, пожалуйста, еще месяцик по-времените. Войдите в наше положение!

Я вошел. И честно ждал. Вот эту-то свою услугу я имел в виду и рассчитывал на взаимность.

Решил вторично позвонить начальнику и все напомнить.

Он, не пребывая, выслушал меня и объяснил:

— Одно к другому отношения не имеет. Вы внимательно прочтите правила: там нигде не предусмотрено, в какой именно срок мы обязаны параллельные устанавливать.

Неужели и вправду не предусмотрено? Не может быть!

Начал просматривать пункты, помещенные под заголовком «Для сведения абонентов».

Так. «За сохранность и механическое повреждение телефонного аппарата ответственность несет абонент». Это не то.

«При включении телефонного аппарата абонент обязан...» То же не то.

«При обмене квартиры или выезде в другой город абонент должен...»

Знаменитый седьмой пункт я помнил. Правда, там еще было сказано: «Оплату счетов за междугородные переговоры в кредит, телеграммы по телефону... абонент обязан произвести...»

Далее шел специальный раздел под жирным заголовком «АБОНЕНТ ОБЯЗАН», состоящий из пунктов «а», «б» и «в».

Но ни единого пункта, говорящего о том, что же **обязана** делать городская телефонная станция, не было. Не было искомого пункта о том, через сколько времени после подачи заявления мне должны установить параллельный телефон, не было пункта о том, через сколько зуммеров обязана поднять трубку телефонистка справочного бюро или дежурная бюро ремонта, не было указано, через сколько часов должны разблокиро-

вать мой телефон, если он почему-то заблокировался, не было предусмотрено, как часто ГТС должна выпускать новые телефонные книжки и сколько максимально ошибок разрешается допускать в каждом новом издании. Ничего такого не было.

Мне это показалось явным упущением. Ведь если я с телефонной станцией вступил в деловые отношения, то это, естественно, накладывает на меня определенные обязанности, дающие соответственные права станции. Но должны же наши отношения накладывать какие-то четко сформулированные обязанности и на станцию, дающие соответственные права мне, абоненту.

Все эти соображения я изложил начальнику ГТС, позвонив ему в третий раз. Он подчеркнуто вежливым тоном, дающим ясно понять, что я некоторым образом зануда, ответил:

— Ну что вы мудрствуете, ей-богу! У нас в этом отношении, как в Аэрофлоте.

— При чем тут Аэрофлот?

— А при том. Ведь вы, пассажир, обязаны зарегистрировать билет не позже чем за двадцать пять минут

до отлета? Обязаны. А если сдаете билет, то обязаны почему-то предъявлять паспорт, но и при этом деньги полностью вам возвратят только в том случае, если вы сдадите билет не позже чем за сутки до отлета. А чем вам обязан Аэрофлот? Может быть, вам обязаны, скажем, вернуть часть стоимости билета в случае опоздания самолета? — ехидно закончил мой оппонент.

Это звучало логично и убедительно. Парировать было нечем.

Когда я пересказал эти мысли приятелю, работающему в агентстве Аэрофлота, он заметил:

— Ну, что ты, право, пристаешь?! Мы ведь молодой вид транспорта. Берем пример с городского. Прокачаться в трамвае или троллейбусе — и уберешься.

Последовал и этому совету.

В вагоне трамвая висело несколько идентичных объявлений: «Уважаемые пассажиры! За безбилетный проезд, провоз детей и багажа без билета пассажиры подвергаются штрафу в размере 50 коп., взимаемому на месте. За другие нарушения правил пользования трамваем и троллейбусом — штрафу до 2 руб. 50 коп. Отсутствие у пассажиров разменной монеты для оплаты проезда и провоза багажа не освобождает их от ответственности за безбилетный проезд».

И все. И никакого «продолжение следует». А я, увлекшись чтением, как раз очень хотел узнать, что же дальше. Скажем, какую ответственность несет трамвайно-троллейбусное управление, если трамвай (не по моей вине) в пути испортился и задержался и я (по прямой вине управления) опоздал на работу? Или если из-за нарушения графика в трамвае скопилось столько народу, что мне оборвали рукав недавно сшитого костюма? В каком размере я имею право требовать возмещения убытков с управления? 50 коп. или 2 руб. 50 коп.?

Когда я обратился с этим вопросом к работникам управления, там только руками развели, удивляясь моей наивности, и посоветовали, если я такой настырный, лучше разобратся в моих отношениях с моим же домоуправлением.

Но мне с домоуправлением разбираться нечего. В наших отношениях все ясно. Я обязан к определенному числу (и не позже!) уплатить квартирную плату. А домоуправление все не обязан в течение, скажем, трех дней (и не позже!) с момента подачи заявления прислать слесаря для ремонта ванны в моей квартире. Это уж точно, можете мне поверить. Я уже десять дней, как подал такое заявление, а слесарь еще не появлялся.

Но я не пойду к домоуправлению с жалостливыми просьбами и объяснениями: дескать, негде выкупаться. Не пойду, так как заранее знаю, что он мне решительно посоветует:

— Идите в баню!

А баня тоже ничем мне не обязана.

— Папа уехал в гости. Домой его принесут часам к двенадцати.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Е. КРУКОВЕЦ

г. Львов.

Скорая помощь

В поликлинике после бесплодного двухчасового ожидания приема я заскучал. За это время моя щека, украшенная флюсом, раздулась, как футбольная камера. Другие ожидающие тоже не радовали глаз. Сердечник, полный седой мужчина, оглушительно зевал и опустошал уже вторую коробку витаминного драже. Ревматик, трижды прочитав все газеты, таблички и плакаты, мирно дремал на стуле. Держался только неврастеник. Он энергично семенил взад-вперед по коридору и нервно поглядывал на стенные часы.

Мне стало их жаль. Я ощупал свой быстро растущий флюс, хлопнул себя по колену и попробовал завязать дружескую беседу.

— Судя по всему, мы все прекрасные люди,— сказал я, обращаясь к больным,— но очень уж беспомощные. Мы без толку топчемся в приемной, а в это время наши недуги прогрессируют. Они скрутят нас, если мы сейчас же что-то не предпримем.

— Что вы предлагаете? — робко спросили больные.

— Действовать! — уверенно сказал я.— Физкультура, дорогие коллеги, всегда была лучшим лечебным средством. Предлагаю пойти на стадион и размяться.

Больные разочарованно вздохнули и предложили мне пойти полечиться от слабоумия.

— Чудаки! — определил я.— Вы проторчите в приемной еще часа три, а я гарантирую вам помощь раньше, чем подойдет ваша очередь.

Мой последний аргумент возымел действие. Больные нестройной цепочкой потянулись за мной на стадион.

— Спортивные игры — наиболее увлекательный вид лечебной физкультуры,— развивал я свою мысль.— Не сыграть ли нам, друзья, в футбол?

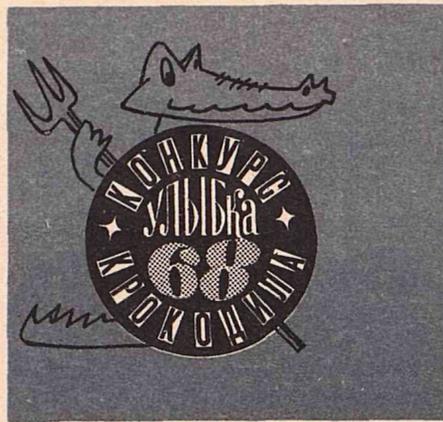
Больные заявили, что им теперь все равно, раз они пришли на стадион.

Получив принципиальное согласие, я разделил всех больных на две команды и выбрал неврастеника капитаном. Другим капитаном я назначил себя.

Сначала игра проходила вяло, без огонька. Больные лениво гоняли по полю мяч, мало играли головой и совсем не грубили. Постепенно трибуны стадиона заполнили болельщики, неизвестно откуда прибежавшие на дармовщину. Они занимали лучшие места и дружно скандировали: «Шайбу! Шайбу!» В довершение всего на поле выбежал какой-то тип в шортах и принялся нас судить. Игра сразу обострилась. Ревматик бешено носился по всему полю и отбирал мяч у игроков обеих команд. Сердечник постоянно находился в офсайте и настойчиво требовал от меня паса. За грубую игру в наши ворота был назначен пенальти. Бил неврастеник. Он промазал. На трибунах началась буря. Неврастеник схватился за голову и начал рвать на себе волосы. Реальный шанс открыть счет был упущен. Это удручающе подействовало на обе команды. То ли от своих болезней, то ли от усталости игроки валились на траву как подкошенные, хотя до конца первого тайма оставалось еще неполных 20 минут. На поле продолжали бороться только мы с неврастеником и то недолго. Отбирая у меня мяч, неврастеник, видимо, понервничал и стукнул по моей ноге.

Падая на травмированную ногу, я увидел наконец врачей, бегущих к нам со всех сторон.

— Видите,— сказал я больным, лежащим на травке.— Говорил же я, что мы быстро получим помощь. Футболистам — она всегда скорая...

Эстетка

Мое несчастье — острое чувство стиля. Компромиссов я не признаю. Если, например, мне предстоит грустный разговор, я надеваю платье из джерси. Джерси очень идет к грусти. Зато к радости лучше всего креп-сатен. Наша свадьба удалась на славу именно благодаря моему зеленому креп-сатеновому платью. Антон очень подходил к этому туалету, составляя вместе со мной изысканную цветовую гамму.

И все же я очень разочаровалась в Антоне.

На следующий день после свадьбы, как только он надел свой повседневный костюм в коричневую полоску, я сразу поняла, что совершила ошибку. И действительно, в первый же наш совместный отпуск в Закопане эта пошлая полоска сразу же вышла мне боком.

Какое это было потрясение для меня, когда я увидела Антона в объятиях рыжей Леокадии! Как они были одеты! На нем была фланелевая пижама в желтую клетку на грязновато-сером фоне. А она — верх безвкусицы! — в фиолетовом декольтированном платье. Какая жалкая картина!

Я стояла тогда за стеной со сжатыми кулаками и пламенем в сердце. Должна была разыгаться драма, если бы меня вдруг не пронзила мысль: «В чем я намерена разыграть эту драму? В розовом платье для пляжа? Но это же безвкусица: пижама, легкое платьице и декольте!»

Я тихонько побежала к себе в комнату, расшвыряла все вещи в шкаф и выбрала скромное платье, прекрасно подходящее для трагедии. Смотрю в зеркало — выгляжу прекрасно! Теперь можно и жаждать крови. Выбегаю на крыльцо, и что вы скажете? Этих негодяев и след простыл. Какое свинство — я ведь так старалась!

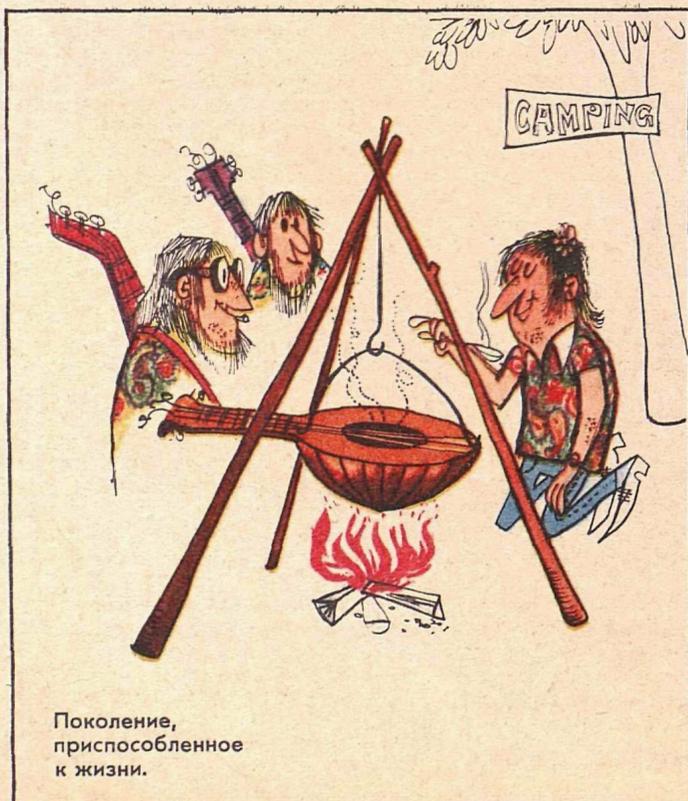
На развод, подумала я, решиться легко, но в чем идти в суд? Без темного костюма развод — пустой звук. Антон тоже, как обычно, очень безвкусен в деталях; ему следует помочь в предразводных приготовлениях — подобрать рубашку, галстук. Мы уехали в Варшаву, и, как я и предполагала, вся процедура развода была испорчена из-за погрешностей против хорошего вкуса. Антон был в костюме в темную полоску, а я в красном. Но это же не то!

Потом я встретила Антона на улице. На нем был горчичный пиджак, и у него были очень грустные глаза. «Вернись», — сказал он. Я хотела броситься ему на шею, но не могла. На мне был плащ цвета морской волны, а морская волна очень плохо смотрелась бы на его горчице. Я удалилась с болью в сердце прямо к портнихе, пани Каролине. «Пани Каролина», — сказала я, — я хочу пойти навстречу новой жизни, но в чем? Земляничный плащ ужасен, не встретить мне счастья в таком плаще».

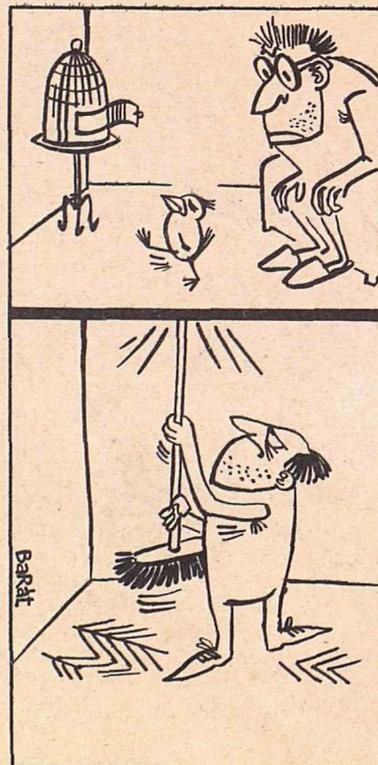
Каролина ответила, что я могу встретить счастье лишь через два месяца, раньше она не успеет.

И вот, когда все было готово, когда я шла домой с готовыми платьями в руках, я встретила их, идущих в обнимку, — Антона и Леокадию. С горя я решила умереть. Просто сказать: умереть. А в чем? У меня нет ничего подходящего для такого случая. Надо специально заказать. Но я ведь знаю: Каролина начнет копать, и пока новый туалет будет готов, он уже выйдет из моды.

Нет житья женщине с тонким эстетическим вкусом. Да и смерти тоже.
Перевел Л. СИГАН.

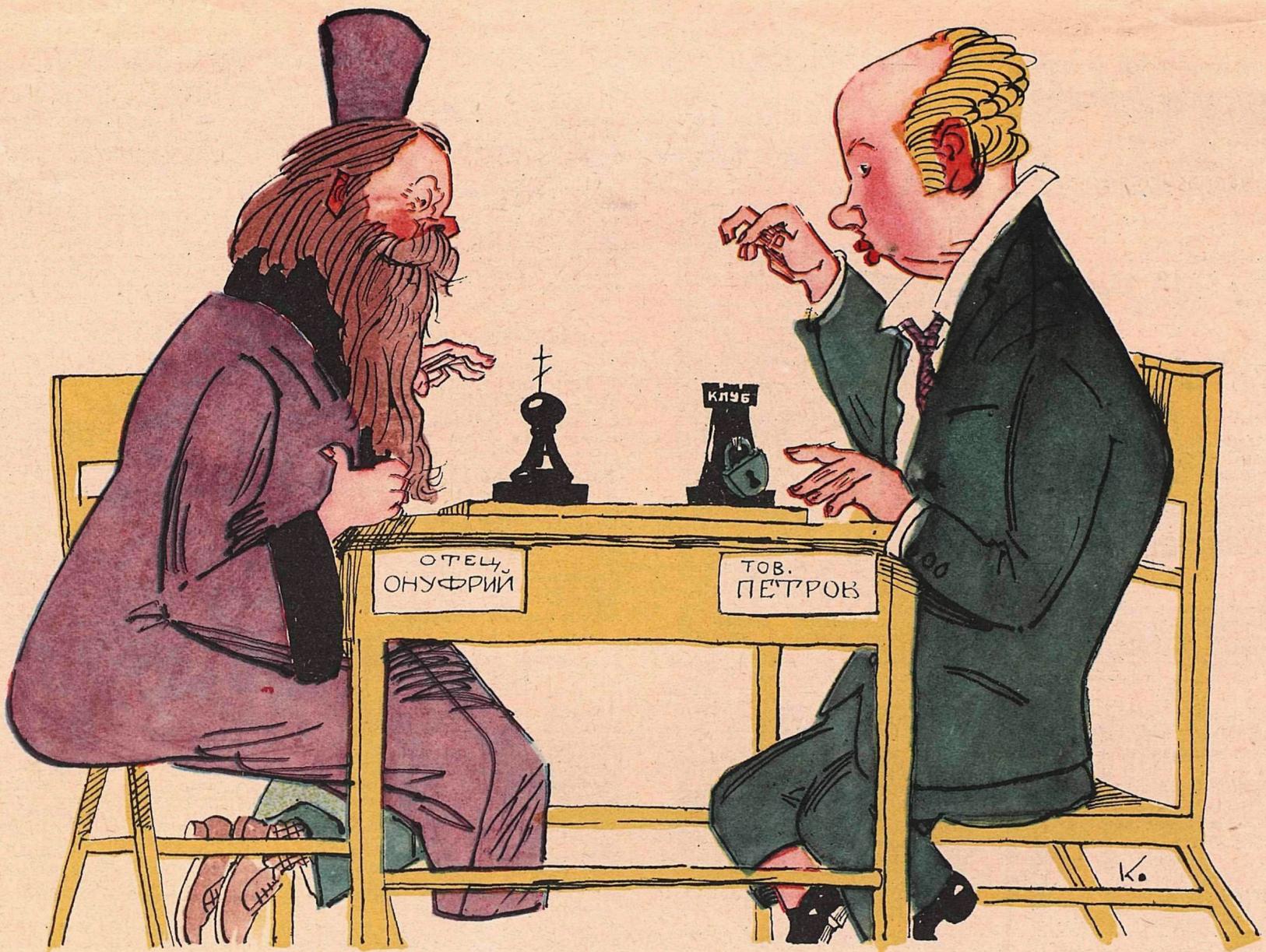
Поколение, приспособленное к жизни.

Тонкие стены.

— Тридцать восемь, тридцать девять, сорок...

Затянувшаяся партия на первенство района.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Полмиллиметра совести

Семен Алексеевич посмотрел на меня честными глазами и приложил руку к груди.

— Побойтесь бога, — сказал он. — Как можно!

И тотчас пробежали по мне мурашки стыда. Действительно, как можно! Дом инвалидов... Люди с трагическими судьбами... Неужто возможно обманывать их, наживаться за их счет?

Семен Алексеевич Богданов, директор Бобруйского дома инвалидов, отрицательно покачал головой: да что вы, дескать? Мыслимое ли дело?

— Смотрите сюда, — прибавил он и отмерил на ногте большого пальца полмиллиметра. — Если в человеке есть хоть столько совести, то он никогда не пойдет на обман инвалида.

Сама истина говорила устами директора. И как великолепно говорила она! Хотелось смолкнуть и тихо упиваться нравственной высотой собеседника.

— Но факты... — пролепетал я.

— Ах, при чем здесь факты! — рассердился Семен Алексеевич. — Это уже частности, мелкие противоречия! Надо смотреть шире.

И незапятанный директор гордо удалился по делам соцобеспечения. А я остался наедине с фактами.

Однажды был праздник. Эфир гремел торжественными мелодиями. С легкой мыслимой вседозволенностью залетали они сюда, в тихий, своеобразный мир людей, коих так сурово объединила судьба. Восьмидесятилетние старцы не стучали посохами, требуя выключить радио. Женщины преклонного возраста

придирчивей обычного осматривали свои больничные халаты. Праздник везде праздник...

Государство позаботилось не только о питании, лечении и уходе за инвалидами, но и о подарках в праздничные дни. На сей раз их распределяла старшая медсестра Синькевич. С утра Тамару Михайловну мучало противоречие. С одной стороны, хотелось дармовых конфет и апельсинов. С другой стороны, жаль было расставаться с той каплей совести, которую директор измерял ногтем большого пальца. Но совесть в отличие от апельсинов — вещь нематериальная. И материализм одержал победу. Правда, не сразу.

Сперва Тамара Михайловна наполнила конфетами карман халата. Затем — левый карман плаща. Потом — правый. Торжество материализма стало полным и окончательным, когда апельсины с конфетами посыпались в сумку.

Впрочем, Тамара Михайловна всегда умела решать противоречия между запросами собственного организма и нуждами инвалидов. Вот, скажем, спирт. Он позарез необходим для лечения. Но собственный организм тоже нуждался в этом химическом соединении. Казалось бы, выхода нет. Но выход найден: для лечебных целей используется заменитель — вода высокого качества. Без примесей. Спирт же в купе с малосольными огурчиками и другими продуктами питания командирится в глубь организма.

Или вот уходит, скажем, на неделю старушка Маня навещать племянницу.

На время визита полагается снять старушку с довольствия. А ее не снимают. И идут старушкины продукты со склада на кухню, а здесь следы их теряются.

Был такой печальный случай: пошла бабушка к родственникам и померла там. Похоронили бабушку с богом, погостили на поминках. В доме же инвалидов не спешили предать ее забвению. В течение 46 дней вспоминали об усопшей, получая со склада довольствие на нее. Человек умер, а личное дело его хранится вместе с делами здравствующих и приносит тем самым ежедневный гостинец.

С одеждой тоже бывают противоречия. Выписывают, например, новый костюм, а инвалиду вручают старый. Или вот нехорошая частности с колбасой. Взяли со склада полтора пуда колбасы и дели неизвестно куда. Только запахом колбасным повеяло на обеспечиваемых.

Все это товарища Богданова не касается, потому как он по мелочам не разменивается. Неудобно — директор все же. Если что покрупнее, — тогда другое дело.

Понадобилось ему для семейного очага кровельное железо. Взял да и привез. В двести рублей, правда, обошлось. Не товарищу Богданову — дому инвалидов.

Вообще говоря, к семейному бюджету Семен Алексеевич питает слабость. Нет-нет да и пополнит его за счет дома инвалидов. Правда, бывало это нерегулярно, на уровне кустарщины. Сердце жаждало чего-то постоянного.

И вот в одно солнечное утро явилась в голову идея. Семен Алексеевич потер руки и принялся осуществлять ее. К обеденному перерыву идея воплотилась в нечто конкретное: супруга товарища Богданова была оформлена на должность культработника.

Попервоначалу супруга растерялась: — Ты что-то напутал, Семочка. Какой же я культработник? Счетовод я. Директор снисходительно потрепал ее по плечу.

— Вот и хорошо. Будешь зарплату получать — не обсчитаешься.

Два раза в месяц супруга директора исправно выполняла должность счетовода. Подобная культработа, правда, не слишком развлекала инвалидов. Зато пополняла семейный бюджет.

Такие вот частности из жизни Бобруйского дома инвалидов вставали передо мной, пока я дожидаясь ушедшего директора. Вы помните, как удалился он, — гордо и независимо. Он не сомневался в своей безнаказанности. Еще бы! Уже не один год жалуются инвалиды в разные инстанции, просят помощи. Инстанции обращаются к Богданову, а тот в упор встречает их честными глазами.

— Побойтесь бога, — говорит он, прикладывая руку к груди. — Как можно!

И отмеряет на ногте большого пальца полмиллиметра.

Р. КИРЕЕВ,
специальный корреспондент
Крокодила

г. Бобруйск.

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Любимый, милый, дорогой... — говорит она.
— Платье или шляпу? — деловито осведомляется он.

— С кем ты целовалась вчера в парке?
— В каком?

— Официант, я только что смотрел меню: рыба была вычеркнута, а теперь она снова появилась. Что это значит?

— Видите ли, господин, который сидит за соседним столиком, вернул свою порцию.

После супружеской ссоры:
— Ладно, — говорит жена, — я признаю, что мы оба одинаково виноваты, особенно — ты!

Пьяный возится у двери, никак не может ее открыть. К нему обращается прохожий:

— Давайте ключ, я вам открою.

— Спасибо. Лучше, если бы вы поддержали дом, чтоб он не качался.

Судья:
— Признайтесь, вы дали этому человеку оплеуху?

Обвиняемый:

— Нет, господин судья!

Потерпевший:

— Он лжет.

Обвиняемый:

— Заткнись, иначе получишь еще одну!

Режиссер — молодой артист:

— В новой пьесе вы играете роль невинной, неопытной девушки. Есть ли у вас какой-нибудь опыт в этом отношении?

— Вы говорите, что это чистая шерсть, а на бирке написано, что хлопчатка.

— Мы вешаем эту бирку, чтобы обмануть моль.

— Я уверена, папа, что Густав тебе понравится.

— Есть ли у него какие-нибудь деньги?

— До чего вы с ним похожи! Точно таной же вопрос он задавал мне о тебе.

Начальник распекает нового работника:

— Вы что думаете, я идиот?

— Я не знаю, я же здесь недавно работаю...

— Билл, мой отец очень расположен к тебе.

— Серьезно, Лиззи?

— Да. Когда я сказала ему, что ты будешь у нас сегодня, он вынул из винтовки боевые патроны и заменил их дробью...

«КИНЩИК ЗАБОЛЕЛ!»

О происшествии в море на рефрижераторе «Рыбный Мурман» сообщалось в фельетоне «Кинщик заболел!», опубликованном в № 19 «Крокодила». Киномеханик судна А. Д. Беличенко внезапно почувствовал столь сильное недомогание, что не смог продемонстрировать кинофильм. Судовой врач констатировал у больного сильное опьянение, вызванное принятием чрезмерной дозы спиртного.

Установленный врачом диагноз поверг в изумление весь рыболовецкий флот: где Беличенко раздобыл водку? Во-первых, спиртные напитки в плановом порядке на суда не поступают. Во-вторых, употребление их в плавании строго запрещено. Завесу над этим таинством приоткрыли боцман «СРТ-849» О. И. Устименко и радист А. М. Богданов. Они заявили, что в посылках, полученных ими через киномеханика Беличенко, недостает шести бутылок водки и бутылки коньяка.

Первым на выступление «Крокодила» откликнулся Центральный комитет профсоюза рабочих пищевой промышленности. Секретарь ЦК профсоюза тов. Мезин сообщил редакции, что имеющиеся на флоте нарушения трудовой дисциплины, аварии и кораблекрушения зачастую являются следствием употребления спиртных напитков, которые члены экипажей получают в посылках. В связи с этим ЦК профсоюза обратился в Министерство связи СССР с ходатайством запретить прием посылок со спиртными напитками в адрес личного состава судов, находящихся в плавании.

Министерство связи решило удовлетворить это ходатайство. Заместитель начальника главного почтового управления тов. Манцев сообщил редакции, что отныне посылки со спиртными напитками в адрес находящихся на промысле судов приниматься не будут.

Ответ на фельетон прислал и заместитель министра рыбного хозяйства СССР тов. Елисеев.

«Министерство обязало руководителей рыбохозяйственных организаций, флотов, капитанов судов и их помощников по политической части, — пишет тов. Елисеев, — принимать строгие меры к лицам, допускающим нарушение Устава службы на судах флота рыбной промышленности. Одновременно обращено внимание командного состава флота на необходимость усиления воспитательной работы среди личного состава кораблей».

«ГУСЕНИЧНЫЙ ХЛЕБОВОЗ»

Об изобретательности механизаторов Доволенского молочно-хлебохлеза, Новосибирской области, сообщалось в заметке под таким заголовком, опубликованной в № 22 «Крокодила». Ввиду поломки машины «ГАЗ-63» для перевозки хлебобулочных изделий здесь использовался гусеничный трактор с прицепом. Из-за низкой крейсерской скорости трактора хлеб увесел зачерстветь еще в пути.

Управляющий Доволенским районным отделением «Сельхозтехники» тов. Шрайнер сообщил редакции, что приспособленная для перевозки хлеба автомашинка «ГАЗ-63» полностью укомплектована и пущена в работу.

«ОДИН РАЗГНЕВАННЫЙ МУЖЧИНА»

Кошлы Атаджанов давно уже не ладил с подчиненными. Кричал на них, выживал неугодных, пытался сам скомплентовать партийное бюро комитета, такое, чтобы слушалось его во всем. К подчиненным женского пола притязания были особого рода.

Когда же подчиненные начали жаловаться и разбором жалоб занялись комиссии, Кошлы Атаджанов объявил всех недовольных пьяницами и развратниками. После чего председатель республи-

канского комитета ДОСААФ Туркменской ССР Кошлы Атаджанов стал главным героем фельетона Е. Матвеева «Один разгневанный мужчина» («Крокодил» № 19).

Сразу же после его опубликования в редакцию посыпались письма из Ашхабада от работников комитета ДОСААФ. Председатель, писали они, с еще большим энтузиазмом взялся за своих подчиненных. Во-первых, он повел тщательное расследование на тему «А кто посмел сообщать корреспонденту?» Во-вторых, на всякий случай начал приписывать своему коллективу такие и сякие грехи.

Коллектив просил продолжить фельетон, и даже заголовок предлагался в письмах: «Один разгневанный мужчина не унимается».

Но продолжения, по-видимому, не потребуется. «Один разгневанный мужчина» унялся. Секретарь ЦК Компартии Туркменистана Б. Овезов сообщил, что фельетон обсуждался на бюро ЦК и признан справедливым. Кошлы Атаджанов с работы снят.

«ТАК И ЖИВЕМ»

В коллективном письме молодых строителей. Большого Ульяновска, опубликованном под таким заголовком в № 20 «Крокодила», говорилось о том, как плохо организован быт в общежитиях, о черствости руководителей «Главульяновскстроя», не обращающих внимания на жалобы рабочих.

Секретарь Ульяновского горкома КПСС тов. А. Кудрявцев сообщил редакции, что письмо ульяновских строителей обсуждено на заседании горкома КПСС. Виновные привлечены к партийной ответственности. Приняты меры по улучшению коммунального обслуживания общежитий, произведен ремонт зданий, создано внутриквартирное благоустройство, заканчиваются работы по налаживанию системы отопления, душевые обеспечиваются горячей водой.

Рисунки Г. АНДРИАНОВА и А. ГРУНИНА

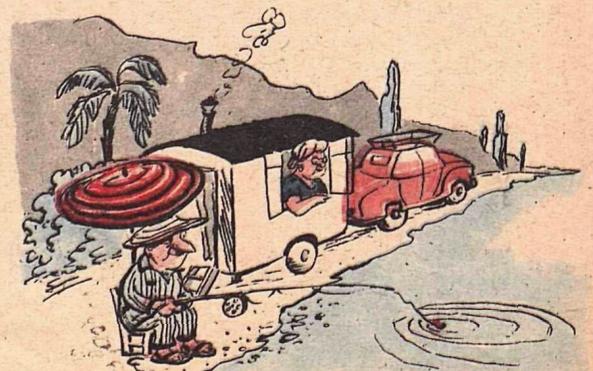

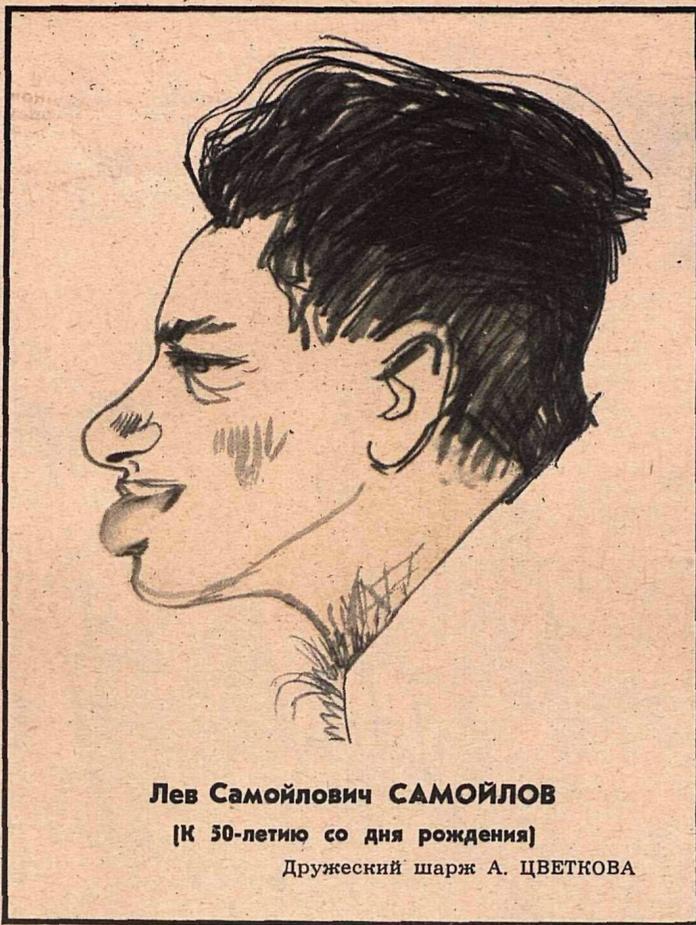
Дед Мазай и зайцы.

← Сестрица Аленушка — братцу Иванушке: — Говорила тебе, не играй в домино!

Жил старик со своею старухой у самого синего моря.

Лев Самойлович САМОЙЛОВ

[К 50-летию со дня рождения]

Дружеский шарж А. ЦВЕТКОВА

Н. ЧЕРЕПАНОВА

Котик и КОМПОТИК

По рюмочке,
по рюмочке,
Тилим-тилим-бом-бом!
А Котику
Компотик
Мы в рюмочку нальем.

И чокнулись
И чмокнулись,
И Котик, как большой,
Из рюмочки
По-взрослому
Компотик тянет свой.

Досадует, что в садике
Компот из чашек пьют
И Котику компотику
Из рюмки не дают.

По рюмочке,
по рюмочке,
А Котику — пивка.
У Котика,
У школьника,
Привычная рука.

Вот с аттестатом
зрелости
Пришел сынок домой.
Для зрелости,
Для смелости
Нальем-ка по одной.

Понятливый, податливый,
Толковый сын подрост.
Отличную
«Столичную»
Он сам домой принес.

Какой удар родителям
(И кто бы думать мог!) —
Клиентом вытрезвителя
Заделался сынок.

...По рюмочке,
по рюмочке,
Тилим-тилим-бом-бом!
А в рюмочку
Для Юрочки
Томатный сок нальем.

Мимоходом

И погасшие светила науки порой бывают причиной затмений.

Жена директора оперы обладала номенклатурным сопрано.

Ю. НИКОЛЬСКИЙ

Ее всегда окружали поклонники, которым не было от нее отбоя.

«Он у меня работает директором», — заявляла секретарша.

Гр. ГОРОДЕЦКИЙ

Купил кота в мешке. Отдельно мешок не продавался.

Г. КРЕНЦЕЛЬ

Мастерские срочного ремонта у нас есть. А где найти мастерские прочного ремонта?

Всегда находился при деле, которое вели другие.

Мысль рационализатора так дружно разделили, что на его долю ничего не осталось.

Его девиз: «Там слов не тратьте попустому, где нужно злоупотребить».

Хватит решать задачку о двух бассейнах! Пора заняться проблемой загрязнения водоемов в целом!

Вал. ДЕВЯТЫЙ

Листая газетные страницы

«Человек, как антропогенный фактор, грубо врывается в биогеоценоз, нарушая звенья биологической цепи. С этим уже смирились как с неизбежным явлением прогресса современного века».

(Из статьи «Браконьерам — бой!»)
«Красное знамя».

г. Братск.

«Магаданский облкинопрокат выпускает на экраны города и области новый художественный фильм «Без права быть собой» (по одноименному роману В. Кожевникова «Щит и меч»)».

«Магаданская правда».

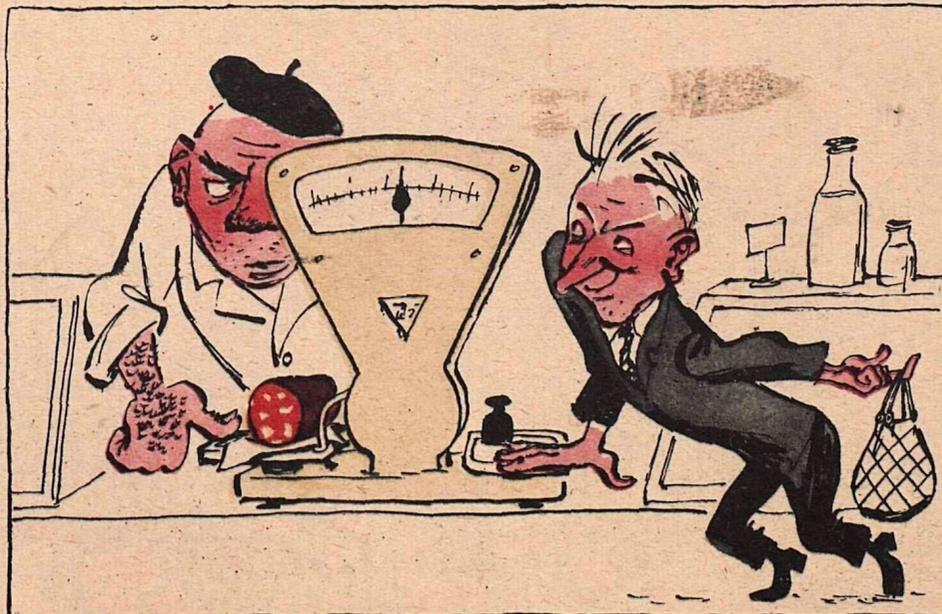
ВОДОЧНО-ЛОДОЧНАЯ СТАНЦИЯ

Коллективное катание на моторных и весельных лодках.

Работает база проката лодок и спортивного инвентаря.

г. Брянск.

«Машиностроитель».

— Ну, уж дудки! Меня не обвесит!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

КРОКОДИЛ

№ 28 (1894)

ГОД ИЗДАНИЯ
СОРОК СЕДЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

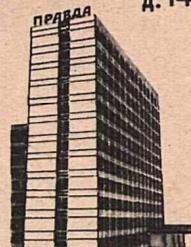

журнал
выходит
три раза
в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, А. Грунин, Ф. Куриц, Н. Лисогорский, В. Новиков (г. Рига), В. Сафонов, Н. Станиславский, Ю. Степанов, В. Тамаев, А. Чикарьков.

НАШ АДРЕС:

МОСКВА А-15
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86
253-34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМЕРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

А 09617.
Подписано к печати
26/IX 1968 г.
Формат бумаги 70×108½
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 4 900 000 экз.
(1 завод: 1 — 4 109 300).
Изд. № 1647.
Заказ № 2722.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

51893

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Д В У Х П А Р Т И Й Н А Я П О Л И Т И К А В О В Ъ Е Т Н А М Е